

Передовой опыт в сфере работников и жертв современного рабства во время пандемии коронавируса

Отчет по исследовательскому проекту

Авторы: Томоя Обоката, Форо Рамезанха, Раша Аль Саба, Самравит Гугса

В сотрудничестве с

minority
rights
group
international

Keele
UNIVERSITY
EST 1949

Июнь 2021 г.

Содержание

Благодарность	3	
Аннотация	4	
Введение	9	
Раздел 1	Многоплановое влияние коронавируса на современное рабство	
1.1.	Влияние на действия по борьбе с рабством и защите жертв	11
1.2	Влияние на трудоустройство	12
1.3	Влияние на современное рабство	13
Раздел 2	Передовой опыт в сфере защиты жертв современного рабства и работников, пострадавших от пандемии	
2.1.	Меры по борьбе с рабством	17
2.2	Сохранение и создание рабочих мест	18
2.3	Более широкая экономическая и социальная поддержка безработных	19
2.4	Улучшение условий труда и жизни	20
Раздел 3	Критический анализ возникающих положительных практик	
3.1.	Действия по борьбе с рабством	23
3.2	Экономическая и социальная помощь безработным	23
3.3	Условия труда и жизни	26
Раздел 4	Выводы и рекомендации	
4.1.	Выводы	28
4.2	Рекомендации	30
4.2.1.	Меры по борьбе с рабством	30
4.2.2	Защита работников, пострадавших от коронавируса	31
4.2.2.1.	Неотложные меры	31
4.2.2.2	Меры на средне- и долгосрочную перспективу	33
Раздел 5	Руководящие принципы противодействия современному рабству в чрезвычайных ситуациях	34

Благодарность

Исследовательская группа хотела бы поблагодарить Центр по разработке политики и сбору свидетельств в отношении современного рабства и прав человека (Modern Slavery PEC) за возможность проведения этого актуального исследования. Помимо финансирования, Центр также оказывал необходимую консультационную поддержку по различным вопросам проекта.

Также исследовательская команда хотела бы выразить огромную благодарность следующим общественным организациям и профсоюзам, которые приняли участие в интервью и предоставили ценную информацию о самых разных аспектах влияния коронавируса (КОВИД-19) на современное рабство и передовом опыте борьбы с ним:

American Federation of Labor and Congress of Industrial Organization (AFL-CIO) (США), Anti-Racism Movement (Ливан), Anti-Slavery Australia (Австралия), Anti-Slavery International (всемирное), Arbeit und Leben (Германия), Awareness against Human Trafficking (HAART) (Кения), Canadian Labour Congress (Канада), Caribbean Migration and Development Observatory (ОБМКА) (Доминиканская Республика), Center for Economic and Social Rights (по всему миру), Comité Contre l'Esclavage Moderne (Франция), Elom Empowerment (Малайзия), English Collectives of Prostitutes (Великобритания), Focus on Labour Exploitation (FLEX) (Великобритания), Initiative pour la Résurgence du Mouvement Abolitionniste en Mauritanie (Мавритания), Human Development Organisation (Шри-Ланка), Inclusivity Project (по всему миру), Institute on Statelessness and Inclusion (по всему миру), International Committee on the Rights of Sex Workers in Europe (ICRSE)(Европа), International Dalit Solidarity Network (по всему миру), International Trade Union Confederation (по всему миру), Ivorian Community in Greece and Greek Forum for Refugees (Греция), La Strada International (Global), LEFÖ-IBF (Австрия), Nagorik Udyog (Бангладеш), National Campaign for Dalit Human Rights (Индия), Pakistan Dalit Solidarity Network (Пакистан), Platform for International Cooperation on Undocumented Workers (PICUM) (по всему миру), Platform for Labour Action (Уганда), Proyecto de Derechos Económicos, Sociales y Culturales AC (Мексика), Samata Foundation (Непал), Syndicat du Travail Sexuel (STRASS) (Франция), The Passage (Великобритания) и Timidria (Нигер).

Также в опросах на условиях анонимности приняли участие две общественные организации из Тайланда и Сенегала.

Наконец, исследовательская команда хотела бы поблагодарить Килский университет и международную организацию Minority Rights Group International, которые оказали административную и другую необходимую поддержку во время выполнения проекта.

Мнения, выраженные в этом отчете, принадлежат его авторам и не обязательно соответствуют позиции Центра по разработке политики и сбору свидетельств в отношении современного рабства (Modern Slavery PEC).

Июнь 2021 г.

Томоя Обоката (главный исследователь – Килский университет)
Форо Рамезанкха (со-исследователь – Килский университет)
Раша Аль Саба (партнер проекта – Minority Rights Group International)
Самравит Гугса (партнер проекта – Minority Rights Group International)

Аннотация

Этот проект обеспечивает краткую глобальную оценку всех основных влияний коронавируса (КОВИД-19) на современное рабство и описывает положительные практики защиты жертв рабства и пострадавших работников. Пандемия нарушила реагирование государств на современное рабство и возможность защиты жертв, усугубила уязвимость перед современным рабством. В рамках проекта осуществляется выявление и критический анализ положительных практик, направленных на снижение негативного воздействия пандемии на современное рабство и безработицу. Наконец, исследование устанавливает руководящие принципы противодействия современному рабству в чрезвычайных ситуациях, таких как пандемии.

Методология

Данное исследование основано на теоретическом анализе появляющейся академической литературы, отчетов и данных, предоставленных государственными органами, организациями гражданского общества, профсоюзами, региональными и международными организациями, а также, при необходимости, средствами массовой информации. В дополнение к теоретическому анализу была проведена серия полуструктурированных интервью с более чем 30 неправительственными заинтересованными сторонами, работающими в областях, связанных с современным рабством и правами работников.

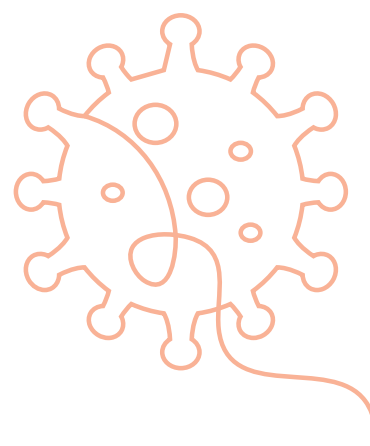
Влияние коронавируса (КОВИД-19) на современное рабство

Пандемия оказала огромное влияние на людей, подвергающихся эксплуатации в тех или иных формах, подпадающих под определение «современное рабство». Основное внимание в исследовании уделялось двум аспектам воздействия: во-первых, действиям по борьбе с рабством, в том числе защите и поддержке пострадавших от современного рабства, а во-вторых, тому, как пандемия сделала людей уязвимее к методам эксплуатации из-за безработицы.

1 Прекращение действий по борьбе с рабством

В рамках проекта было обнаружено, что расследования, судебные преследование и наказание за современное рабство, в том числе трудовые инспекции и судебные процессы, были нарушены или замедлены в ряде государств и регионов. Причиной стала дистанционная работа, вызванная государственными карантинными мероприятиями, и/или перенаправление ресурсов с борьбы с рабством на борьбу с пандемией.

С точки зрения прав человека, особенно важным является то, что защита лиц переживших современное рабство, была нарушена во всем мире. Очная форма оказания услуг была в значительной степени прекращена, хотя спрос на них оставался неизменным во время пандемии. Несмотря на то, что многие организации адаптировались и начали оказывать свои услуги онлайн или по телефону, эти услуги не всегда были доступны для наиболее уязвимых групп населения, в особенности в регионах с низким уровнем дохода.

К другим препятствиям относятся невозможность обращения в государственные органы, недостаток финансирования и повышенный риск заражения коронавирусом среди работников, находящихся на передовой линии борьбы с пандемией, и жертв современного рабства.

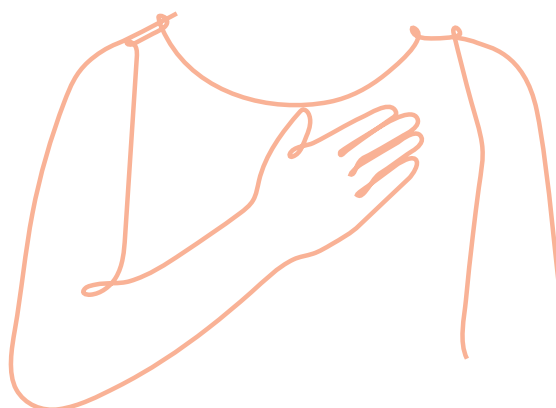
2 Повышение уязвимости

Пандемия также повысила уязвимость сразу в нескольких важных направлениях. Во-первых, безработица толкнула пострадавших работников к рабству, принудительный труд, торговлю людьми и другие формы эксплуатации. Также в рамках исследования в различных частях света был выявлен определенный переход людей из белой официальной экономики в теневой сектор, который характеризуется неформальной нештатной занятостью, случайными заработками, нестабильностью и отсутствием достаточной защиты со стороны государства. Потери работы не избежали и многие работники, занятые в теневой экономике во всем мире. Неудивительно, что самый тяжелый удар пришелся по регионам с низким уровнем дохода (т. е. по Азии, Африке и Латинской Америке), в которых в теневом секторе заняты более 90% работоспособного населения. Это поставило людей в более шаткое положение, и у них не оставалось никакого выхода, кроме как соглашаться на любую работу, чтобы выжить.

Во-вторых, увеличение спроса на рабочую силу в некоторых секторах позволило эксплуатировать работников и нарушение иных прав работников. Например, во время пандемии возросла нагрузка на работников здравоохранения и социальной защиты, а также домашних работников. Также сообщалось о случаях нарушения прав и эксплуатации, включая ухудшение условий жизни и труда, на предприятиях по производству средств индивидуальной защиты и в сельскохозяйственном секторе. Вместо усиления защиты многие государства предпочли ослабить или приостановить охрану труда и социальную защиту, чтобы легче справляться с экономическими последствиями пандемии.

В-третьих, пандемия оказала отрицательное влияние на детей. Временное закрытие школ привело к росту детского труда в таких отраслях, как сельское хозяйство, строительство, горнодобывающая промышленность и работа по дому. В некоторых регионах, в том числе в Азии и Африке, сообщалось о принудительной выдаче девочек замуж. Также во время пандемии возросла сексуальная эксплуатация детей в Интернете.

Наконец, усилилось перемещение рабочей силы из теневого сектора экономики в нелегальную. Отмечались случаи, когда безработные женщины прибегали к так называемому «транзакционному сексу» - оказанию платных сексуальных услуг с целью заработка на жизнь. Кроме того, во время пандемии никуда не делись и другие формы криминальной эксплуатации, в том числе производство наркотиков, принудительное попрошайничество, а также совершаемые организованными группами кражи, осуществляемые при содействии опытных преступных группировок.

Передовой опыт в сфере защиты жертв современного рабства и работников, пострадавших от пандемии

1 Меры по борьбе с рабством

Важно признать, что многие государства продолжили принимать меры по обеспечению правопорядка, реагированию правоохранительными органами и защите жертв, включая содействие трансграничному или международному сотрудничеству в области уголовного правосудия. В некоторых государствах и регионах быстро были введены в практику виртуальные судебные слушания, что обеспечило достаточно оперативное привлечение к ответственности и наказание лиц, занимающихся современным рабством. Кроме того, важнейшую роль в защите жертв играют организации гражданского общества в том числе продолжая оказывать услуги в очной форме.

2 Смягчение безработицы

Также появились примеры передового опыта по смягчению последствий безработицы, вызванной пандемией. Одной из распространенных мер, принятых в более чем 100 странах и регионах, является попытка сохранения рабочих мест за счет дотаций к заработным платам, когда государства покрывают определенный процент заработной платы работников. В Центральной Европе, Азии, Африке и Латинской Америке предлагались общественные работы или проекты в сочетании с профессиональным обучением. Кроме того, уязвимым группам населения, таким как самозанятые, работники неформального сектора, женщины, молодёжь, а также трудящиеся-мигранты, имеющие и не имеющие документы, были предложены денежные пособия и другие формы экономической и социальной поддержки.

3 Улучшение условий труда и жизни

Постепенно был принят ряд мер по улучшению условий труда. Большое количество государств и предприятий ввели меры по охране здоровья и труда, включая работу на дому, скользящий график работы, поощрение социального дистанцирования и обеспечение средствами индивидуальной защиты. Некоторые из них приняли законодательство или нормативные акты, требующие соблюдения этих мер. Также появилось бесплатное медицинское обследование и лечение, хотя эти меры были более распространены в государствах и регионах со средним или высоким уровнем дохода. Более того, лицам, заразившимся вирусом, были предложены дополнительная финансовая поддержка и специальные схемы отпусков без опасения увольнения или потери заработной платы.

Что касается улучшения условий жизни работников, то в более чем 80 государствах и регионах самым уязвимым и малообеспеченным слоям населения была оказана экстренная продовольственная помощь. В ходе проекта выяснилось, что организации гражданского общества и профсоюзные организации по всему миру очень активно способствовали обеспечению людей продовольствием и другими предметами первой необходимости во время пандемии. Кроме того, многие государства Европы, Азии, Тихоокеанского региона и Латинской Америки ввели временный запрет выселения, а другие оказывали финансовую поддержку для покрытия арендной платы, ипотеки или коммунальных платежей работников при поддержке государственных финансовых учреждений и коммунальных компаний.

Критический анализ возникающих примеров передового опыта

1 Меры по борьбе с рабством

В рамках проекта было выяснено, что все еще есть возможности для улучшения, особенно в сфере защиты жертв современного рабства. Объем поддержки, оказанной отдельным физическим лицам во время пандемии оценивался как недостаточный, и выяснилось, что вклад организаций гражданского общества не был признан или поддержан правительствами различных государств.

2 Поддержка безработных

Социально-экономическая поддержка безработных по своей природе является временной, и многие виды этой поддержки были прекращены во время пандемии. Аналогичным образом, уровень оказываемой поддержки оценивался как недостаточный во всех регионах мира. Это объясняется тем, что на самом деле многие государства, особенно с низким уровнем дохода, не могли себе этого позволить.

3 Особо сильно пострадавшие уязвимые группы

Стало очевидно, что наиболее пострадавшие и уязвимые категории населения так или иначе были исключены из системы помощи и поддержки. В частности, схемы сохранения рабочих мест распространяются только на официальный сектор, поэтому большое количество работников теневого сектора в реальности не получили поддержку. Существуют и другие причины, такие как отсутствие эффективной инфраструктуры или механизмов распределения поддержки, чрезмерная бюрократия и невозможность надлежащей регистрации бенефициаров/получателей помощи, из-за которых женщинам, молодежи, трудящимся-мигрантам, имеющим и не имеющим документы, представителям коренных народов, меньшинствам и внутренним/внешним перемещенным лицам было крайне сложно воспользоваться предоставляемой поддержкой.

4 Условия труда и жизни

В отношении условий труда и жизни также были выявлены различные проблемы. В частности, жилье для работников, обеспеченное или находящееся в управлении работодателя, попрежнему считается неудовлетворительным с точки зрения санитарных условий и плотности заселения. Следовательно, работники не могут соблюдать социальную дистанцию, что повышает риск заражения коронавирусом. Причина заключается в отсутствии эффективных законодательных и других мер, в том числе в недостаточно тщательной проверке условий труда со стороны государств по всему миру; со своей стороны, компании и работники зачастую также не выполняют официальные инструкции.

По всему миру сообщалось о задержках с поставкой и недостатке средств индивидуальной защиты (СИЗ) на рабочих местах, особенно в теневом секторе. Многие компании все еще не обеспечивают достаточное количество СИЗ, и в ходе проекта выяснилось, что организации гражданского общества и профсоюзы вынуждены были заняться их поставкой. Также оказалось, что тестирование и лечение коронавирусом труднодоступны или недоступны для бедных и маргинализированных слоев населения.

5. Деятельность организаций гражданского общества и профсоюзных организаций

Пандемия повлияла на деятельность организаций гражданского общества и профсоюзных организаций во всем мире. Помимо различных сложностей с оказанием услуг очной формы, эти организации столкнулись с притеснениями и запугиваниями во всем мире. Также выяснилось, что со многими из них правительства их стран не проводили консультаций при разработке и реализации мер реагирования на коронавирус.

Руководящие принципы противодействия современному рабству в чрезвычайных ситуациях

Международные нормы в сфере прав человека, международное трудовое право и другие соответствующие отрасли международного права налагают на государства четкие правовые обязательства продолжать действия по борьбе с рабством в чрезвычайных ситуациях, руководствуясь следующими принципами:

- **обязательство по проведению расследований, осуществлению уголовного преследования и наказания по фактам современного рабства** (включая осуществление правоохранительной деятельности на основе оперативно-аналитических данных, финансовых расследований и конфискаций доходов от преступной деятельности, соответствующих стандартам в области прав человека);
- **обязательство по защите жертв современного рабства** (идентифицирование жертв, оказание специализированной помощи, отвечающей индивидуальным потребностям, обеспечение доступа к правосудию и средствам правовой защиты);
- **обязательство по предотвращению современного рабства** (улучшение условий труда и жизни, повышение осведомленности и обеспечение обучения/повышения потенциала);
- **обязательство по развитию международного сотрудничества и солидарности** (помощь нуждающимся государствам со стороны других государств и международных/региональных организаций, временное послабление экономических санкций и других принудительных мер).

Этот проект акцентирует внимание на данных обязательствах путем формулирования соответствующих норм и принципов в области прав человека, которые были разработаны на региональном и международном уровнях.

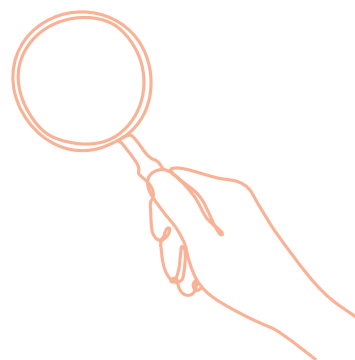

Введение

Данный проект был реализован при финансовой поддержке центра по разработке политики и сбору свидетельств в отношении современного рабства (Modern Slavery PEC) через Совет по искусству и гуманитарным наукам (Arts and Humanities Research Council). Его основной целью было исследование ключевого влияния коронавируса (КОВИД-19) на современное рабство и выявление/обмен передовым опытом в сфере защиты работников и жертв современного рабства с целью содействия внедрения подхода, ориентированного на жертв. В состав основной исследовательской группы входили: профессор Томоя Обоката (главный исследователь), доктор Форо Рамезанкха (со-исследователь) и представители международной организации по правам меньшинств Minority Rights Group International (г-жа Раша Аль Саба и г-жа Самравит Гугса).

В самом начале были определены ключевые вопросы исследования:

- Как повлияла пандемия коронавируса (КОВИД-19) на меры борьбы с рабством, в том числе на защиту жертв?
- Какой существует передовой опыт по внедрению мер по борьбе с рабством во время пандемии?
- Как безработица повлияла на перемещение безработных из белой формальной экономики в теневой сектор, а из теневого сектора – в нелегальную, с соответствующим ростом нестабильности и уязвимости?
- Каковы были характер и масштабы эксплуатации и злоупотреблений, которым способствовали предприятия и работодатели в тех секторах, которые продолжают работать во время пандемии?
- Какой существует передовой опыт с сфере защиты прав работников, в том числе обеспечения условий жизни и работы для них? Позволяет ли он адекватным образом противостоять пандемии и учитывать её основные последствия?
- Приспособлены ли меры защиты на решение конкретных потребностей особо уязвимых категорий населения?
- Каковы ключевые трудности при защите жертв современного рабства и работников во время пандемии?

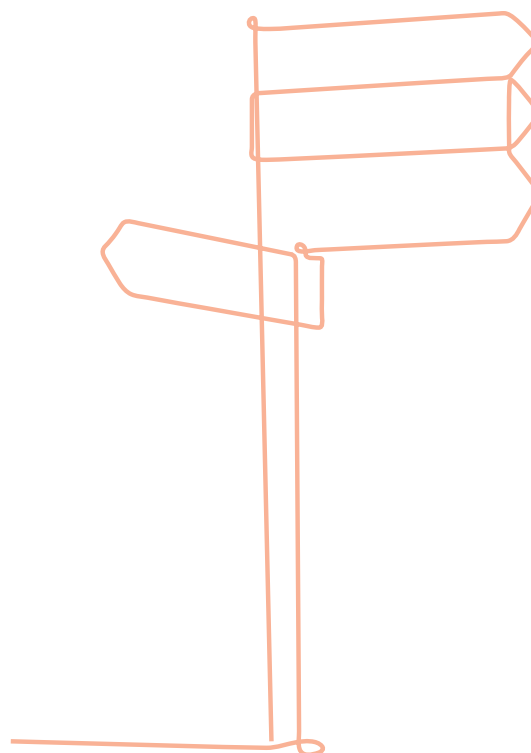

Данный отчет содержит ответы на эти вопросы. В целях максимизации результативности проекта представлены примеры передового опыта, а также практические рекомендации, направленные на усиление защиты жертв современного рабства и работников, пострадавших от пандемии.

Что касается методологии исследования, данное исследование представляет собой проект быстрого реагирования, ориентированный на глобальный охват. По этой причине данные собирали во всех регионах: Азиатско-Тихоокеанском регионе, Европе, Африке, Северной и Южной Америке, на Ближнем Востоке. Следует сделать оговорку: если приводится список государств и регионов, отсутствие других стран и регионов не обязательно говорит о том, что они не рассматривались. Это просто означает, что составлять длинный список каждый раз слишком сложно. Учитывая короткий срок реализации проекта (шесть месяцев), изучение всех мер, принимаемых государствами во всем мире, не представлялось возможным. По этой причине исследовательская команда решила сосредоточить внимание на ключевых мерах, которые непосредственно касались пострадавших работников и жертв современного рабства, исключив из рассмотрения более широкие меры, направленные на помощь компаниям/работодателям.

Основная часть проекта основывалась на теоретическом анализе появляющейся академической литературы, отчетов и данных, предоставленных государственными органами, организациями гражданского общества, профсоюзами, региональными и международными организациями. При необходимости также использовались отчеты СМИ. В дополнение к теоретическому анализу был проведен ряд полуструктурированных интервью с непосредственно заинтересованными сторонами, работающими в областях, связанных с современным рабством и правами работников. Это позволило исследовательской команде проверить соответствующую информацию и данные, полученные в ходе теоретического анализа. Используя свои связи и контакты, исследовательская команда смогла организовать личные виртуальные интервью с представителями более чем 30 организаций гражданского общества и профсоюзов/трудовых организаций.

Данный отчет по проекту содержит несколько разделов. В разделе 1 приводится обзор основного влияния коронавируса (COVID-19) на действия по борьбе с рабством, трудоустройство и современное рабство. В разделе 2 описаны передовой опыт в сфере защиты жертв современного рабства и пострадавших работников, в том числе важный вклад организаций гражданского общества и других правозащитных организаций, таких как профсоюзы. В разделе 3 приведен критический анализ передового опыта с целью изучения его целесообразности и эффективности. В разделе 4 приведены основанные на результатах анализа выводы и список практических рекомендаций для соответствующих заинтересованных сторон. Наконец, в разделе 5 приведены «Руководящие принципы противодействия современному рабству в чрезвычайных ситуациях».

Раздел 1. Многоплановое влияние коронавируса на современное рабство

1.1 Влияние на действия по борьбе с рабством и защиту жертв

В рамках настоящего исследования выяснилось, что в ряде государств судебное расследование, преследование и наказание за современное рабство во время пандемии были нарушены или замедлены.¹ Причина заключалась в карантинных мероприятиях, которые побудили государственные органы по всему миру перейти на удаленную работу и/или перебросить ресурсы с борьбы с рабством на борьбу с пандемией. Согласно данным Интерпола, во время карантина на расследованиях эксплуатации детей в Интернете серьезно сказалось сокращение количества сотрудников правоохранительных органов и ухудшения доступа к таким инструментам расследования, как международные базы данных.² Пандемия также сказалась и на очных мероприятиях трудовой инспекции,³ финансовых расследованиях и изъятии активов, полученных криминальным путем.⁴ Более того, сообщалось даже о задержке или приостановке уголовного преследования по случаям современного рабства в некоторых государствах.⁵

Также стало очевидно, что пандемия коронавируса усложнила защиту жертв современного рабства. Во всех регионах мира замедлился процесс выявления жертв.⁶ В некоторых странах, таких как Австралия, Боливия, Канада, Мексика, Непал и Испания отмечалось снижение объема услуг,⁷ а в других странах из-за задержки гражданских, уголовных и административных судебных/несудебных процедур доступ к компенсации был затруднен было затруднен.⁸

Еще одним аспектом защиты жертв являются трудности, с которыми столкнулись организации гражданского общества на передовой борьбы в связи с ограничениями в передвижении и удаленной работы из-за карантинных мер и из-за этого закрытых помещений. Это усложнило установление контактов с жертвами и оказание услуг в очной форме,⁹ несмотря на то, что спрос на их услуги во время пандемии оставался неизменным.¹⁰ В качестве еще одного последствия отмечался недостаток финансирования,¹¹ который вынуждал некоторых из них сворачивать свои программы и/или увольнять работников.¹² Кроме того, неполная занятость или удаленная работа государственных служащих препятствует эффективной коммуникации с находящимися на передовой работниками. Сообщения о такой ситуации поступали из Австрии, Центральной Африканской Республики, Хорватии, Индии и Перу.¹³ В различных странах с низким уровнем дохода государственные органы, особенно на местном уровне, не всегда имеют доступ к современным технологиям, таким как ноутбуки или качественный доступ в Интернет,¹⁴ что дополнительно затрудняет коммуникацию и защиту. Несмотря на то, что многие организации начали оказывать услуги по телефону, электронной почте, через социальные сети и Интернет, все эти средства коммуникации не всегда доступны нуждающимся.¹⁵ У тех поставщиков услуг, которые работали во время пандемии, риск заражения коронавирусом среди находящихся на передовой работников вызывает серьезную обеспокоенность.¹⁶ По этим причинам очень большое количество

« Согласно данным Интерпола, расследование эксплуатации детей в Интернете серьезно затруднилось из-за снижения количества сотрудников правоохранительных органов и ухудшения доступа к следственным инструментам, таким как международные базы данных, во время карантина »

жертв не смогли избежать злоупотреблений в свой адрес и эксплуатации,¹⁷ и нарушения их прав продолжились. Для тех, кто был спасен, возникли отдельные трудности, такие как проблемы с соблюдением самоизоляции и социальным дистанцированием,¹⁸ которые повысили риск заражения вирусной инфекцией¹⁹ в дополнение к психологической нагрузке от карантинных мер.²⁰

1.2 Влияние на трудоустройство

Одним из основных последствий пандемии является безработица. Согласно данным Международной организации труда (МОТ), в 2020 году потеря рабочего времени в мире составила 8,8%, что эквивалентно 255 миллионам рабочих мест с полной занятостью, а потери дохода составило 3,7 триллиона долларов США.²¹ Одним из предметов исследования в рамках данного проекта является то, насколько безработица в белой формальной экономике выталкивает людей в теневой сектор (который характеризуется неформальной занятостью, нестабильностью и отсутствием надлежащей трудовой, экономической и социальной защиты со стороны государства).²² Огромное количество работников в этом секторе не имеют надежных трудовых контрактов и работают на условиях нерегулярной и/или ежедневной оплаты.²³ В результате, у них нет тех прав и льгот, которыми пользуются работники белой формальной экономики,²⁴ что повышает их уязвимость к эксплуатации и другим нарушениям прав. Также стоит отметить гендерно-дифференцированную природу теневого сектора, так как 90% женщин в государствах с низким доходом работают неофициально,²⁵ и даже в развитых странах, таких как Япония и Великобритания, женщин также больше на низкооплачиваемых работах с «нулевыми часовыми контрактами», когда работодатель не обязан предоставлять работнику какое-то минимальное количество рабочих часов (например, в сфере домоводства, уборка, обслуживание клиентов и гостиничное дело).²⁶

В рамках данного проекта не было найдено свидетельств масштабного и систематического перемещения безработных из белой экономики в теневой сектор. Это может объясняться тем, что многие государства реализовали схемы сохранения занятости и приняли другие меры поддержки (которые будут описаны в дальнейшем) для их защиты. Однако в некоторых частях света количество случаев такого перехода растет. В частности, в Бразилии черные /темнокожие меньшинства и представители коренных народов оказались в особенно уязвимом положении с точки зрения безработицы и были вынуждены искать работу в теневом секторе.²⁷ Аналогичная тенденция была отмечена в Индии, Кении, Шри-Ланке, Таджикистане и Уганде.²⁸ Кроме того, по всей видимости неформальную сферу экономики также стимулирует безработица среди молодежи в различных частях света. В первом квартале 2020 год только в Азиатско-Тихоокеанском регионе потеря рабочего времени составила приблизительно 6%, что эквивалентно 247 миллионам рабочих мест с полной занятостью.²⁹ Международная организация труда отметила, что из-за пандемии доля неформальной занятости молодежи возросла до более чем 95% в странах с низким уровнем дохода и до 91% в странах с доходами ниже среднего.³⁰ Более того, были выявлены случаи того, что безработные женщины, девушки и представители ЛГБТК прибегали к оказанию так называемому «транзакционному сексу» - оказанию платных сексуальных услуг из-за отсутствия экономической поддержки,³¹ подвергаясь риску эксплуатации и заражения коронавирусом (КОВИД-19) и заболеваниями, передающимися половым путем.³²

Еще важнее признать, что большое количество работников в теневой сфере по всем мире потеряли свою работу.³³ В Коста-Рике и Чили трудоустройство в сфере домашнего труда сократилось на 46% и 48%, соответственно, за период с апреля по июнь 2020 г. Также сообщалось, что безработные в сфере домашнего труда/домашние работники в Ливане остались на улице без достаточной поддержки от государства.³⁴ В швейной промышленности в Бангладеш, Камбодже и Вьетнаме женщины несоразмерно пострадали от безработицы из-за аннулирования

контрактов.³⁵ Кроме того, сообщается, что 80 миллионов работников из числа внутренних мигрантов в Индии, большинство которых принадлежат к низшей касте, так называемые «неприкасаемые» (далиты),³⁶ потеряли работу.³⁷ Похожая ситуация возникла и в Мавритании, в которой огромное количество людей, находящихся в рабстве на основе происхождения, пострадали, в то время как представители власти и привилегированных сословий продолжали получать непрерывную поддержку от государства.³⁸ По прогнозам, в общей сложности, 1,6 миллиарда человек, занятых в теневой сфере, потеряют работу из-за пандемии.³⁹ Некоторое перемещение безработных из белой формальной экономики в теневой сектор увеличило давление на тех, кто уже был занят в теневом секторе, потому что им пришлось конкурировать за немногочисленные рабочие места,⁴⁰ что дало дополнительный толчок нестабильности и ухудшению условий работы.⁴¹ Для иностранных рабочих-мигрантов, имеющих статус иждивенца, существует дополнительная проблема: при потере работы они могут оказаться без документов, что не позволит им получить доступ к экономической и социальной поддержке, а также к другим формам жизненно важной помощи и услугам.⁴²

1.3 Влияние на современное рабство

В рамках проекта было выяснено, что пандемия усугубила ситуацию с современным рабством во всех регионах мира. Это отчетливо видно на примере компаний, которые продолжали вести деятельность во время пандемии, и многие из которых работают в теневом секторе. Для начала необходимо рассказать о характерных признаках принудительного труда. В соответствии с Международной организацией труда, ключевыми признаками принудительного труда являются: злоупотребление уязвимым положением, обман, ограничение свободы перемещения, изолирование, физическое и сексуальное насилие, угрозы и запугивание, удержание удостоверяющих личность документов, удержание заработных плат, долговая кабала, недостойные условия жизни и труда и чрезмерная сверхурочная работа.⁴³ Эти явления оказывают отрицательное влияние на соблюдение прав человека в отношении работников. Как будет продемонстрировано в этом отчете, во время пандемии подобные признаки наблюдались во всех регионах мира.

В частности, женщины составляют более 70% работников сферы здравоохранения и социальной защиты, находящихся на передовой борьбы с пандемией во всем мире, причем многие из них — мигранты. По природе своей работы они сталкиваются с повышенным риском заражения коронавирусом.⁴⁴ Сообщалось, что из-за недостатка персонала многим из них приходится дольше оставаться на работе, и при этом они также занимаются семейными обязанностями дома.⁴⁵ Работа в сфере социальной защиты считается «низкоквалифицированной», работники находятся в числе самых низкооплачиваемых и трудоустроены на основании временных контрактов или «нулевыми часовыми контрактами»,⁴⁶ что ставит их в весьма шаткое положение. Такая ситуация наблюдалась в Канаде, Франции, Швеции и Великобритании.⁴⁷ В Бразилии, Хорватии, Индонезии, Новой Зеландии и США наблюдался недостаток средств индивидуальной защиты среди этих работников,⁴⁸ а в Китае, Италии и Сингапуре задокументированы случаи физического насилия и словесных оскорблений.⁴⁹

Еще одним процветающим в пандемию направлением бизнеса является производство средств индивидуальной защиты (СИЗ). В Китае некоторые компании были замешаны в эксплуатации уйгурского меньшинства в производстве медицинских масок в условиях, приравняемых к принудительному труду.⁵⁰ Похожие случаи принудительного и детского труда отмечались в Малайзии, Пакистане и Южной Африке.⁵¹ Кроме того, в Гонконге и США отмечены случаи принудительной сверхурочной работы заключенных на производстве медицинских масок.⁵²

« Также важно помнить о том, что обязанность продвигать защиту прав и достоинства работников лежит не только на государствах, которые производят СИЗ, но и на государствах-потребителях, которые обеспечили повышенный спрос »

Также следует отметить, что из-за отмены заказов на одежду на фоне сниженного потребительского спроса⁵³ и, как следствие, безработицы, швейная промышленность в Азии переориентируется на производство СИЗ. В одной только Камбодже с начала пандемии приостановили работу 400 фабрик, что повлияло на 150 000 работников.⁵⁴ В результате Ассоциация производителей одежды Камбоджи выдвинула предложение о производстве СИЗ, которое позднее

было одобрено государством.⁵⁵ Аналогичная картина возникла в Бангладеш, Индии, Индонезии, Пакистане и Вьетнаме.⁵⁶ Несмотря на то, что создание рабочих мест является важным шагом к снижению безработицы, в то же время сообщалось о случаях нарушения прав и эксплуатации,⁵⁷ что свидетельствует о необходимости принятия эффективных законодательных и иных мер защиты работников. Также важно помнить о том, что ответственность за продвижение защиты прав и достоинства работников лежит не только на государствах-производителях СИЗ, но и на государствах-потребителях, которые стимулируют повышенный спрос.

Еще одним сектором, в котором сохранился высокий спрос на рабочую силу, является производство/переработка пищевых продуктов. Сообщалось, что сельскохозяйственные и сезонные рабочие вынуждены были работать в условиях, сопоставимых с условиями принудительного труда.⁵⁸ В Германии не всегда соблюдалось социальное дистанцирование на работе.⁵⁹ В рыбной промышленности в Таиланде⁶⁰ и сельскохозяйственном секторе в Мексике⁶¹ отмечались тяжелые условия труда (например, отсутствие отпусков по болезни, усугубление проблем в части охраны труда и техники безопасности, увеличение продолжительности рабочего дня), сопровождающиеся угрозами увольнения. В США на мясокомбинатах, которые остались работать в пандемию на основании указа, подписанного Президентом, наблюдались случаи вирусной инфекции и смерти работников, многие из которых были иммигрантами, беженцами и представителями этнических меньшинств. Им приходилось работать сверхурочно в стесненных условиях, не имея никаких социальных гарантий, например отпусков по болезни.⁶²

Кроме того, в то время как некоторые домашние работники/представители домашнего обслуживающего персонала смогли сохранить свои места в пандемию, условия работы для них ухудшились. Также следует отметить гендерно-ориентированную природу домашней работы: 80% таких работников — женщины,⁶³ и коронавирус поставил их в более шаткое положение. Как пример, сообщалось, что в Ливане и Турции для обеспечения чистоты и гигиены для работодателей возросла нагрузка на домашних работников/представителей домашнего обслуживающего персонала, при этом многие не получали какую-либо компенсацию или оплату за сверхурочную работу.⁶⁴ Некоторые работодатели в ОАЭ и Кувейте урезали им зарплату или вынуждали брать отпуск за свой счет⁶⁵ при активной поддержке своих государств.⁶⁶ Подобные случаи нарушения прав и эксплуатации, в том числе удержания удостоверяющих личность документов и физического/психологического насилия отмечались в Азии, Африке, Северной и Южной Америке и на Ближнем Востоке.⁶⁷ Дополнительные трудности для таких работников создавал языковой барьер. Информация о медицинском обслуживании и социальной защите зачастую предоставлялась на языке, которые они не понимают,⁶⁸ что препятствовало им обращаться за помощью.

Существуют и другие работники, которые оказывали важнейшие услуги на передовой борьбы с пандемией: уборщики, водители, охранники и работники супермаркетов. Как и работники в других сферах, они испытывали растущее давление, принуждающее их работать сверхурочно в опасных условиях,⁶⁹ и не всегда пользовались всеми теми правами и льготами, доступными

« Некоторые работодатели в ОАЭ и Кувейте урезали им зарплату или вынуждали брать отпуск за свой счет при активной поддержке своих государств »

остальным, такими как оплачиваемые отпуска по болезни и денежные пособия.⁷⁰ Как уже говорилось, это распространенная проблема в теневом секторе. Большое количество таких работников — мигранты и представители этнических меньшинств,⁷¹ что только подчеркивает диспропорциональное воздействие коронавируса на эти уязвимые категории населения.

Вместо улучшения ситуации для таких работников, многие государства во всех регионах мира приостановили охрану труда и социальную защиту,⁷² повысив тем самым риск дальнейшей эксплуатации и нарушения прав. В Азии, на Ближнем Востоке и в Латинской Америке отмечали увеличение продолжительности рабочего дня/недели, приостановку действия норм и положений, регулирующих размер минимальной заработной платы и другие меры, отрицательно сказывающиеся на условиях труда.⁷³ Помимо других работников, к уязвимым категориям относятся сезонные рабочие и рабочие из числа мигрантов, поскольку они лишены трудовой и социальной защиты с точки зрения минимального размера оплаты труда, рабочего времени, официальных выходных дней и ежегодного отпуска,⁷⁴ но боятся выражать свое мнение из страха увольнения и последующих действий правоохранительных органов (например, задержания и депортации), так как трудоустройство часто привязано к работодателям.⁷⁵ Ослабления в законе об охране труда непропорционально повлияли на далитов в Индии и Бангладеш: они были вынуждены работать сверхурочно без оплаты, отдыха или досуга.⁷⁶ Эти примеры со всей очевидностью демонстрируют, что описанные выше признаки принудительного труда наблюдаются во всех регионах мира.

Помимо условий труда, пандемия повлияла и на условия жизни многих работников во всем мире. Жилье многих работников-мигрантов отличалось высокой плотностью заселения и плохими санитарными условиями и не позволяло обеспечить надлежащее социальное дистанцирование. Подобная ситуация отмечалась в Канаде, Греции, на Мальдивах, в Сингапуре и на Ближнем Востоке.⁷⁷ Большинство этих люди работают по неформальным или нестандартным соглашениям и, соответственно, не имеют доступа к услугам здравоохранения и социальной защите.⁷⁸

« Согласно данным ЮНИСЕФ, закрытие школ в пандемию коснулось 1,6 миллиарда детей »

Существуют и другие направления содействия рабству, принудительному труду и прочим схожим с рабством практикам. Ярким примером является эксплуатация детей. Согласно данным ЮНИСЕФ, закрытие школ в пандемию коснулось 1,6 миллиарда детей.⁷⁹ Несмотря на то, что многие школы в мире перешли на обучение через СМИ (например, ТВ и радио) или Интернет, чтобы смягчить негативное влияние коронавируса на образование,⁸⁰ миллионы детей, особенно в государствах и регионах с низким уровнем дохода, остались отрезанными от

учебы, так как их семьи не смогли позволить себе ноутбуки, планшеты или подключение и оплату Интернета.⁸¹

В действительности существуют свидетельства того, что закрытие школ побудило или даже вынудило большое количество детей выйти на рынок труда (например, в сельское хозяйство, строительство, горнодобывающую промышленность и на домашнюю работу) или работать на улицах и даже у себя дома. Подобная картина наблюдается в таких государствах, как Бразилия, Кот-д'Ивуар, Гана, Гватемала, Индия, Ирак, Малави, Мавритания, Мексика, Филиппины, Танзания, Уганда и Замбия.⁸² В Бангладеш, Эфиопии, Кении, Индии, Мавритании, Непале, Ни-

гере, Сенегале и Вьетнаме выявлены возмутительные случаи принудительной выдачи замуж девочек,⁸³ так как многие родители рассматривают детский брак как способ преодолеть экономические трудности.⁸⁴ Более того, в Буркина-Фасо, Мали, Мозамбике и Нигере закрытие школ совпало с другими факторами, такими как дефицит еды и ухудшение ситуации с безопасностью, что способствовало вербовке детей в вооруженные группы.⁸⁵

Еще одним побочным эффектом закрытия школ стала сексуальная эксплуатация детей в Интернете, поскольку они стали проводить в нем больше времени. Согласно данным Интерпола, во время пандемии существенно возрос доступ к детской порнографии в Интернете через пиринговые/одноранговые сети, даркнет, социальные сети и другие платформы.⁸⁶ Европол подтвердил наличие похожей тенденции эксплуатации детей в Интернете в странах-членах ЕС.⁸⁷ На Филиппинах, в Кении и Уганде отмечены случаи сексуальной эксплуатации детей, в том числе с использованием потоковых трансляций или «живого видео» со стороны преступников и отчаявшихся родителей.⁸⁸

Появляются и другие формы криминальной эксплуатации. Показательным примером является торговля людьми. Из-за экономических последствий коронавируса возросла перевозка людей из Ливии в Южную Европу: 75% мигрантов и беженцев потеряли свою работу в теневом секторе.⁸⁹ Схожая картина наблюдается на западно-средиземноморском маршруте (через Марокко)⁹⁰ и в других регионах.⁹¹ В частности, наблюдалась продажа и сексуальная эксплуатация женщин и девочек из числа представителей коренных народов в Азии и Латинской Америке.⁹² Аналогичной эксплуатации и насилию подвергались женщины и девочки из числа вынужденных переселенцев в лагерях беженцев и внутренних мигрантов в Бангладеш, на Гаити, в Мали и Нигере.⁹³

В Афганистане из-за потери дохода и отсутствия запасов некоторые люди занялись производством опиума.⁹⁴ В Великобритании преступные группировки воспользовались передислокацией ресурсов правоохранительных органов и организовали производство гашиша, в котором широко задействовали ввезенных в страну граждане Вьетнама, ставшие жертвами торговли людьми.⁹⁵ На Балканах организованные преступные группировки аналогичным образом эксплуатируют детей для незаконного оборота наркотиков.⁹⁶ Также появились сообщения о современном рабстве в нелегальной добыче моллюсков,⁹⁷ а в Африке на улицах замечают всё больше детей, которых вынуждают попрошайничать, воровать и заниматься прочей деятельностью, организованной криминальными элементами.⁹⁸

Подводя итог, можно сказать, что отрицательные последствия коронавируса ощущаются во всем мире, и современное рабство продолжает существовать при участии преступников, а также предприятий и работодателей. Условия работы и жизни огромного количества работников во всем мире ухудшаются. Особую обеспокоенность вызывает ситуация с уязвимыми группами населения, которые понесли особенно серьезные потери. К ним относятся женщины, дети и молодёжь, представители коренных народов, меньшинства (включая людей, находящихся в рабстве на основе происхождения, и представителей каст неприкасаемых), внутренне и внешне перемещенных лица, а также работники-мигранты, большинство из которых работают в теневом секторе и сталкиваются с дополнительными трудностями из-за недостатка охраны труда и социальной защиты. Эти явления представляют собой очевидные нарушения прав человека в отношении жертв современного рабства и пострадавших работников, и существует острая необходимость их устранения.

Раздел 2. Передовой опыт в сфере защиты жертв современного рабства и работников, пострадавших от пандемии

2.1 Меры по борьбе с рабством

Несмотря на сложности, связанные с продолжением борьбы с рабством во время пандемии, продолжают появляться примеры положительных практик и передового опыта. Прежде всего, в ряде государств продолжились расследования, деятельность трудовой инспекции и судебные преследования для привлечения к ответственности.⁹⁹ Также в различных частях мира продолжалось международное сотрудничество в области уголовного правосудия. В соответствии с двухсторонней инициативой США и Мексики по борьбе с торговлей людьми, оба государства содействовали трансграничному расследованию и уголовному преследованию по преступлениям, связанным с торговлей людьми, путём обмена оперативно-розыскной информацией и активизации усилия в сфере финансовых расследований для конфискации средств, добытых преступным путем.¹⁰⁰ В Европе во время пандемии не прекращало работу агентство Евроюст (Агентство по сотрудничеству в сфере уголовного правосудия в Европейском Союзе, англ. Eurojust), которое успешно организовало объединенные следственные группы с участием Румынии и Финляндии, что позволило привлечь к ответственности румынские организованные преступные группировки и конфисковать 45 000 евро.¹⁰¹ Кроме того, в Канаде и США усилились попытки отслеживания практик ведения бизнеса в цепочках поставок: недавно эти государства объявили запрет на импорт товаров, произведенных в Китае с использованием принудительного труда уйгурского меньшинства.¹⁰² Кроме того, многие государства, включая Австралию, Канаду, Китай, Колумбию, Финляндию, Кению, Новую Зеландию, Нигерию, Норвегию, Сингапур, Объединенные Арабские Эмираты, Великобританию и США¹⁰³ достаточно быстро наладили виртуальный порядок судебных заседаний. Виртуальные судебные заседания могут смягчить вызванные пандемией задержки при условии, что будет обеспечена защита прав всех сторон и в достаточной степени решены другие важные вопросы, такие как безопасность и технические трудности.

Государства тоже принимают меры по защите жертв современного рабства. Некоторые продолжили оказывать социально-значимые услуги, такие как консультирование, медицинская помощь, обеспечение товарами первой необходимости и финансовая поддержка.¹⁰⁴ Так, в Эфиопии, Сенегале и Уганде предоставляли убежище беспризорным детям и детям-попрошайкам,¹⁰⁵ а в Амстердаме оказали чрезвычайную финансовую помощь работникам, не имеющим документов.¹⁰⁶ Кроме того, когда школы были закрыты, многие оказывали образовательные услуги детям, чтобы защитить их от трудовой и сексуальной эксплуатации.¹⁰⁷

Также стоит отметить роль организаций гражданского общества в защите жертв современного рабства во время пандемии, так как они способствовали устранению пробелов в защите, допущенных многими государствами. В частности, в Кении организация по борьбе с торговлей людьми HAART смогла собрать средства как внутри страны, так и за рубежом, для оказания помощи, в том числе денежных пособий, жертвам торговли людьми и эксплуатации.¹⁰⁸ Сбор средств и пожертвований также происходил в других частях света.¹⁰⁹ Организации Platform for Labour Action в Уганде, LEFÖ-IBF в Австрии и Passage в Великобритании также оказывали своим клиентам услуги в очной форме (например, консультирование, обеспечение товарами первой необходимости и обучение).¹¹⁰ Сегодня многие организации предлагают услуги дистан-

« В Европе во время пандемии не прекращало работу агентство Eurojust (Агентство по сотрудничеству в сфере уголовного правосудия в Европейском Союзе), которое успешно организовало объединенные следственные группы с участием Румынии и Финляндии, что позволило привлечь к ответственности румынские организованные преступные группировки и конфисковать 45 000 евро »

ционно, используя такие технологии, как Интернет и смартфоны,¹¹¹ что позволяет им легко устанавливать контакты с жертвами, в том числе с жертвами из сельской местности.

2.2 Сохранение и создание рабочих мест

Одной из важнейших мер, принятых многими государствами с целью снижения уровня безработицы, вызванной пандемией, является сохранение рабочих мест за счет субсидирования заработной платы, когда определенный процент заработной платы работника покрывается государством в течение определенного периода: от одного месяца до года или даже больше. В рамках проекта выяснилось, что к этой мере прибегли более 120 государств и регионов.¹¹² Некоторые использовали существующие законодательные/административные механизмы/нормы для помощи пострадавшим работникам,¹¹³ в то время как другие реализовывали ситуативные/временные схемы, специально предназначенные для решения проблемы с безработицей, вызванной коронавирусом.¹¹⁴

Многие государства приняли и другие меры для повышения занятости. В этом отношении безработным предлагали принять участие в общественных работах или проектах.¹¹⁵ Следует отметить, что различные государства предлагают возможности трудоустройства также и иностранным гражданам.¹¹⁶ В основном это работа в таких отраслях, как сельское хозяйство, строительство и здравоохранение. Даже внутренне или внешне перемещенные лица давали возможность производить СИЗ.¹¹⁷ Не менее важно и то, что некоторые государства, такие как Австралия, Бразилия, Канада, Дания, Франция, Россия, Сингапур и Южная Корея для повышения возможности трудоустройства активизировали профессиональное обучение (как онлайн, так и в очной форме).¹¹⁸

Другие занимались тесным взаимодействием с предприятиями и профсоюзами с целью содействия обеспечения занятости или её защиты. В Тунисе правительство достигло соглашения с Тунисским всеобщим профсоюзом труда (Tunisian General Labour Union) и Тунисской конфедерацией промышленности, торговли и ремесленного производства, которое гарантировало работу и доход более чем 1,5 миллиону работников сельского хозяйства, рыболовства, транспорта, металлургии и швейной промышленности.¹¹⁹ Бутан сотрудничает с частными компаниями для найма молодых людей, пострадавших от безработицы,¹²⁰ а в Индонезии по программе Kartu Pra-Kerja (карта перед трудоустройством) безработным выдаются ваучеры на обучение и переквалификацию. Считается, что таким образом была оказана помощь 5,6 миллиону неофициальным/неформальным работникам.¹²¹ В Мексике и Португалии правительства стимулировали работодателей нанимать молодых людей и представителей других уязвимых групп населения.¹²³ Аналогичные передовые практики были отмечены в Дании, Италии, Сингапуре, Южной Корее и Шри-Ланке.¹²³

2.3 Более широкая экономическая и социальная поддержка безработных

В ходе проекта выяснилось, что во всем мире оказывалась более широкая экономическая и социальная поддержка. Примером положительной практики, реализованной в таких странах, как Аргентина, Азербайджан, Китай, Сальвадор, Эфиопия, Индия, Италия, Киргизия, Иордания, Мексика, Нидерланды, Пакистан, Саудовская Аравия, Испания, Турция, Узбекистан и Венесуэла, является введение мер защиты от увольнения, которые распространялись и на теневой сектор.¹²⁴ В Катаре и Ливане были приняты меры по реформированию системы кафала: работникам-мигрантам было разрешено менять рабочие места без разрешения работодателей, был введен минимальный размер оплаты труда, а также были регламентированы отдых и ежегодный отпуск, были введены оплачиваемые сверхурочные и больничные.¹²⁵ Использование законодательства или нормативных актов при реализации этих мер очень важно, поскольку за несоблюдение нарушителей можно будет преследовать в судебном порядке, что повысит ответственность и защиту.

« Следует отметить, что различные государства предлагают возможности трудоустройства также и иностранным гражданам. *схvi* В основном это работа в таких отраслях, как сельское хозяйство, строительство и здравоохранение »

Еще одной популярной мерой являлись денежные пособия. В Сальвадоре, Японии, Израиле, Монголии, Южной Корее, Тувалу и США выплачивали денежные пособия всем или большинству своих граждан.¹²⁶ Другие страны оказывали целевую поддержку уязвимым слоям населения, в том числе работникам теневого сектора, работникам систем здравоохранения и социального обеспечения,¹²⁷ самозанятым,¹²⁸ беженцам,¹²⁹ жителям сельских местностей¹³⁰ и вернувшимся трудовым мигрантам.¹³¹ По состоянию на момент написания этого отчета денежные выплаты ввели более 150 стран и регионов.¹³² Для выплаты пособий использовались современные технологии, такие как Интернет и смартфоны,¹³³ что облегчило и ускорило процесс регистрации и получения помощи. Еще один инновационный подход был использован в Гватемале и Сальвадоре: в этих странах претендентов на поддержку определяли по потреблению электричества среди уязвимых неофициальных и других работников.¹³⁴ В Кении на помощь населению направили конфискованные средства, добытые коррупционным путем.¹³⁵

Во многих государствах и регионах была расширена социальная поддержка. На Филиппинах до 60 000 людей, потерявших работу из-за пандемии, были обеспечены пособиями по безработице в рамках специальной схемы социального страхования,¹³⁶ а второй этап этой программы планирует охватить приблизительно 500 000 работников теневого сектора, которые ранее оставались без поддержки.¹³⁷ Дополнительная экономическая помощь неофициальным работникам/компаниям также была оказана в Буркина-Фасо, Дании и Габоне.¹³⁸ Южная Корея покрыла 90% отпускных пособий для работников туристической отрасли, которая была признана «сектором, требующим особой поддержки трудоустройства».¹³⁹ Аналогичная помощь работникам этого сектора была оказана на Фиджи.¹⁴⁰ В Южной Африке правительство выделило грант на социальную поддержку людям, оказавшимся в бедственном положении в период пандемии, чтобы помочь тем, на кого не распространились другие ранее принятые меры социальной защиты, в том числе постоянным резидентам и зарегистрированным беженцам.¹⁴¹

Очень важно понимать, что многие из этих мер направлены и на другие уязвимые слои населения. В некоторых странах были введены пакеты поддержки специально для женщин. К

ним относятся *Ingreso Familiar de Emergencia* в Аргентине и *Pradhan Mantri Garib Kalyan Yojana* в Индии.¹⁴² В Бразилии и Мьянме матерям выделены дополнительные денежные пособия, а в Армении введена единовременная выплата для безработных женщин, одиноких беременных женщин и женщин, чьи мужья потеряли работу.¹⁴³ Наконец, в Австрии и Нидерландах предоставляется экономическая и другая поддержка работникам секс-индустрии.¹⁴⁴

Экономическая и социальная поддержка была распространена и на работников из числа иностранных мигрантов. В ряде государств было продлено действие разрешений на работу/проживание.¹⁴⁵ Это позволило работникам-мигрантам пользоваться услугами системы здравоохранения и социальной поддержки, в том числе получать пособия, больничные и льготы социального обеспечения. Денежные гранты и другая финансовая поддержка были предложены работникам-мигрантам в Бразилии, Калифорнии, Чили, Коста-Рике, Японии, на Филиппинах, в Испании, Таджикистане и Тунисе;¹⁴⁶ во многих странах сегодня предоставляется актуальная информация о льготах и помощи в связи с коронавирусом на нескольких языках.¹⁴⁷ Обнадёживает и то, что некоторые формы социального и медицинского обслуживания предоставляются трудящимся-мигрантам с неурегулированным статусом или без документов.¹⁴⁸ В некоторых государствах Европы им были предоставлены еда и жильё;¹⁴⁹ а в Италии, Португалии и Саудовской Аравии пошли дальше и временно присвоили иммигрантский статус работникам-мигрантам, не имеющим документы, но задействованным в таких отраслях, как сельское хозяйство, рыбный промысел, домашняя работа и уход.¹⁵⁰ Все это — примеры положительной практики и передовой опыт, поскольку не имеющие документов работники по очевидным причинам не склонны обращаться к государству за помощью из-за страха перед правоохранительными действиями, что делает их более уязвимыми к эксплуатации и другим нарушениям прав.

Далее, отмечены случаи того, что компании сами принимают меры по поддержке пострадавших работников, не ограничиваясь оказанием спонсируемой государством экономической и социальной помощи. В Индонезии *Mayadara Group* и *Tahir Foundation* в сотрудничестве с малым и средним бизнесом в Джакарте организовали продуктовые склады для работников теневой сферы, таких как уличные продавцы и таксисты.¹⁵¹ В Хорватии компания *Spar Croatia* помогла 60 местным мелким сельскохозяйственным производителям, пострадавшим от пандемии, выкупив и продав их продукцию,¹⁵² а компания *Danone UK* продлила контракты со 100 000 работниками по всему миру и оказала финансовую поддержку мелким компаниям в цепочках поставок.¹⁵³ Несмотря на то, что эти и другие инициативы достойны одобрения, бизнес и работодатели должны сделать намного больше для защиты своих работников и борьбы с современным рабством, чтобы гарантировать работникам их права во время пандемии и после нее.

2.4 Улучшение условий труда и жизни

Улучшение условий труда и жизни работников во время пандемии — это задача первостепенной важности, так как это поможет защитить их от попадания в современное рабство. В этом отношении во всем мире были приняты самые разнообразные меры. Несмотря на то, что в белом официальном сегменте экономики широко пропагандировался переход на удаленную или работу из дома, многие государства пошли еще дальше и приняли законодательные и иные меры для улучшения охраны труда и здоровья на работе в рамках борьбы с распространением вируса. Южная Африка приняла нормы, соответствующие закону об управлении в чрезвычайных ситуациях от 2002 года, согласно которым компании и работодатели обязаны свести к минимуму количество находящихся вместе работников за счет ротации и скользящего графика работы.¹⁵⁴ Аналогичные меры были приняты и в других государствах.¹⁵⁵ В Албании, на Багамах, в Бахрейне, Барбадосе, Белизе, Китае, Малави и Сент-Китс и Невис на законо-

дательном уровне были приняты дополнительные меры безопасности, включая физическое дистанцирование, предоставление информации о коронавирусе, измерение температуры, усиление санитарных мер и предоставление средств индивидуальной защиты на работе (как в белом, так и в теневом секторах).¹⁵⁶ Стоит повторить: очень важно, чтобы меры были закреплены в законодательстве и нормах, потому что это позволит привлекать компании и работодателей к ответственности за невыполнение требований. В рамках проекта также было обнаружено, что во многих случаях принятие указанных мер обеспечивалось при поддержке профсоюзов и организаций гражданского общества.

Многие правительства обеспечили бесплатное тестирование на коронавирус и его лечение, в том числе неотложную помощь пострадавшим работникам.¹⁵⁷ Работникам оказывалась дополнительная помощь в случае заражения вирусом на работе. В частности, в Малайзии коронавирус квалифицировали как профессиональное заболевание, что позволило заразившимся требовать компенсации за заболевание, полученное на работе, в соответствии с законом о социальном обеспечении работников от 1969 года.¹⁵⁸ В некоторых государствах работникам, в том числе самозанятым, выплачивались дополнительные пособия по болезни.¹⁵⁹ В некоторых случаях были введены особые условия оплачиваемых отпусков в случае коронавируса, в том числе отпусков по уходу за детьми.¹⁶⁰ Кроме того, работники получали зарплату или финансовую помощь вне отпусков по болезни во время нахождения на карантине или лечения.¹⁶¹ Все эти меры очень важны, так как считается, что 50% рабочей силы в мире не имеют закрепленных в законе прав на оплачиваемые больничные и другие льготы.¹⁶²

Что касается условий жизни работников, одним из примеров положительной практики является предоставление чрезвычайной помощи продуктами питания работникам теневой сферы и малообеспеченным слоям населения в более чем 80 государствах и регионах на момент составления этого отчета.¹⁶³ В рамках данного проекта выяснилось, что активную работу в этом направлении также вели организации гражданского общества и профсоюзы, а также региональные и международные организации. Еще одной положительной практикой является помощь с оплатой коммунальных услуг. В более чем 80 странах и регионах при поддержке коммунальных и телекоммуникационных компаний оказывалась помощь с оплатой электричества, воды, услуг связи и Интернета.¹⁶⁴ Кроме того, были внедрены меры по предотвращению выселения. Во многих странах¹⁶⁵ при поддержке государственных финансовых учреждений оказывалась помощь с платежами по ипотеке или аренде. Некоторые страны пошли дальше и запретили или временно приостановили выселение во время пандемии.¹⁶⁶ Отсутствие места жительства и современное рабство очень тесно связаны,¹⁶⁷ и во время пандемии эти меры важны, как никогда.

Важно отметить и роль профсоюзов в улучшении условий труда и жизни пострадавших работников, так как они активно добивались этих улучшений у правительств и бизнеса/работодателей по всему миру. В Иордании и Палестине они организовали фонды помощи безработным, а в Кувейте они пошли еще дальше и занялись решением таких проблем, как истекшие сроки разрешений на жительство, задержка выплаты зарплат и неудовлетворительные условия проживания работников-мигрантов.¹⁶⁸ Профсоюзы во многих странах успешно заключили соглашения с работодателями в ряде отраслей и с правительствами, которые предусматривали усиление мер по сохранению рабочих мест (субсидирование заработных плат) или восстановлению работников, профессиональное обучение, выплатам пособий по социальному обеспечению и содействие обеспечения безопасности на рабочих местах.¹⁶⁹ Более того, профсоюзы в Канаде организовали финансовую и медицинскую помощь и помощь для покрытия базовых потребностей для зарубежных компаний в цепочке поставок,¹⁷⁰ а в некоторых государствах ЕС, Бахрейне, Кувейте, Малайзии, Сингапуре, Тунисе и США оказывалась широкая поддержка работникам-мигрантам, как имеющим документы, так и не имеющим их.¹⁷¹

Существенный вклад в защиту работников, пострадавших от пандемии, внесли организации гражданского общества. К примеру, мэр Лондона финансово помог организациям гражданского общества и общественным организациям, специализирующимся на правах работников, снять короткие видеоролики о правах работников во время коронавируса и доступной поддержке на нескольких языках.¹⁷² Похожие информационные кампании были запущены организациями гражданского общества и в других государствах.¹⁷³ В Индии в рамках Национальной кампании по защите прав человека далитов (National Campaign on Dalit Human Rights) было разработано мобильное приложение We Claim (Мы требуем), которое помогало выявлять местные сообщества, которые не получали экстренную продуктовую и другую помощь. С момента запуска приложения удалось найти более 28 000 семей и помочь им.¹⁷⁴ В Португалии 19 организаций гражданского общества успешно пролоббировали в правительстве предоставление доступа к услугам здравоохранения, социальному обеспечению и рынку труда для работников-мигрантов, которые подали заявления на вид на жительство в марте 2020 г.¹⁷⁵ Кроме того, в Армении, Бангладеш, Франции, Казахстане, Северной Македонии, Польше, России, Украине и Великобритании была оказана материальная, информационная, консультационная и юридическая помощь работникам секс-индустрии, многие из которых потеряли работу во время пандемии.¹⁷⁶ Наконец, ряд организаций во всем мире помогали обеспечивать нуждающихся средствами индивидуальной защиты, дезинфицирующими средствами и другими товарами первой необходимости.¹⁷⁷

« В Индии в рамках Национальной кампании по защите прав человека далитов (National Campaign on Dalit Human Rights) было разработано мобильное приложение We Claim (Мы требуем), которое помогало выявлять местные сообщества, которые не получали экстренную продуктовую и другую помощь. С момента запуска приложения удалось найти более 28 000 семей и помочь им »

В заключение, во всех регионах мира был принят широкий спектр мер, направленных на защиту прав человека в отношении жертв современного рабства и пострадавших работников, и важность усилий всех соответствующих государственных/общественных сторон должны получить общее признание.

Раздел 3. Критический анализ возникающего передового опыта

3.1 Меры по борьбе с рабством

Несмотря на то, что, как сказано в предыдущем разделе, многие государства не прекращали деятельность по борьбе с рабством, в то же время возникают острые проблемы. В частности, все еще остаются возможности для улучшений, особенно в отношении жертв современного рабства.¹⁷⁸ Как пример: правительство Великобритании выплачивает жертвам современного рабства от 39,50 до 65 фунтов стерлингов в неделю в соответствии с британским договором по уходу за жертвами (UK Victim Care Contract), но эти суммы считаются недостаточными.¹⁷⁹ В Канаде разработка законодательства, регулирующего деятельность компаний в цепочках поставок, была приостановлена во время пандемии, а также возникли некоторые задержки с консультированием по вопросу предоставления полномочий по проведению расследований Омбудсмену по ответственному предпринимательству.¹⁸⁰ Также возникли некоторые проблемы в отношении организаций гражданского общества. Сообщалось, что многие правительства не признали вклад организаций гражданского общества в защиту жертв современного рабства и даже ограничили их деятельность во время пандемии.¹⁸¹ Еще одним важным фактом, обнаруженным в рамках этого проекта, является заражение коронавирусом работниками, находящимися на передовой борьбы с пандемией, в некоторых частях света, что повлияло на оказание услуг жертвам современного рабства.¹⁸² Наблюдается растущее количество сообщений о распространении инфекции среди жертв в охраняемых помещениях, что вынудило некоторых поставщиков услуг приостановить работу или закрыться.¹⁸³ Это подчеркивает, что обеспечение бесплатного доступа находящихся на передовой работников и жертв современного рабства к тестированию, СИЗ и лечению от коронавируса должно стать приоритетным направлением работы.

3.2 Экономическая и социальная помощь безработным

Очевидно, что в большинстве государств и регионов были приняты меры по смягчению экономических последствий коронавируса. Несмотря на то, что передовая и позитивная практика заслуживает высокой оценки, в то же время возник ряд проблем, вызывающих вопросы относительно эффективности и целесообразности предпринятых мер. В первую очередь, меры поддержки по своей природе являются временными, и многие из них уже прекращены без продления или дополнительной/новой поддержки.¹⁸⁴ Отсюда также вытекает и другой фактор: оказанная помощь оценивается как недостаточная.¹⁸⁵ Специальный докладчик ООН по вопросу крайней бедности и прав человека привел следующие примеры:

В Южной Африке размер социального пособия в связи с коронавирусом (КОВИД-19) составляет 350 рандов (эквивалентно 18,44 долларам США) в месяц, что составляет менее трети от верхней границы черты бедности (Upper-Bound Poverty Line – UBPL), установленной в стране. В Чили — стране с наибольшим неравенством среди членов ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития) с точки зрения концентрации богатств и официальной чертой бедности на уровне 164 605 чилийских песо (эквивалентно 212,18 долларам США) по состоянию на 2019 год — осуществила выплаты в размере 65 000 песо единовременно и затем трижды по 100 000 песо на одно домохозяйство посредством чрезвычайно перегруженной бюрократией программы денежных выплат *Ingreso Familiar de Emergencia*, которая не только отличалась выплатами ниже официальной черты бедности, но и вызвала беспорядок из-за неоднократной смены названия в самый последний момент. В Пакистане программа чрезвычай-

чайной финансовой помощи *Ehsaas*, крупнейшая в истории страны, предусматривала единоразовую выплату в размере 12 000 рупий (около 72 долларов США) на домохозяйство вне зависимости от его состава, которая тоже ниже официальной черты бедности (3250,28 рупий).¹⁸⁶

В качестве дополнительных примеров можно привести: продовольственную и другую поддержку со стороны правительств Афганистана, Бангладеш, Эфиопии, Индии, Ливана, Мавритании и Сирии, которые были признаны недостаточными, и должны были быть дополнены взносами со стороны общественных/религиозных организаций и профсоюзов.¹⁸⁷ Также отмечалось, что представителям каст неприкасаемых в Южной Азии отказывали в продуктовой и прочей поддержке на основании их статуса.¹⁸⁸ В Египте пакеты поддержки непостоянным работникам составлялись без учета инфляции,¹⁸⁹ что снижало их ценность. Уязвимые слои населения, например работники теневого сектора (низко- и среднеквалифицированные), женщины, самозанятые и работники-мигранты, особенно сильно пострадали¹⁹⁰ по сравнению с работниками белого формального сектора. Также очевидно, что от экономических последствий пандемии сильнее страдают государства с низкими доходами или государства, столкнувшиеся с дополнительными гуманитарными кризисами.

В некоторой степени недостаточная поддержка вполне объяснима, так как государства, особенно из регионов с низким уровнем доходов, экономически не способны оказывать бессрочную поддержку. Также следует понимать, что многие государства пытаются найти оптимальный баланс между защитой здоровья населения с одной стороны и восстановлением государственной экономики с другой. Чтобы облегчить экономическую нагрузку, государства и регионы должны нарастить возможности для общественных работ/проектов, инвестировать в людей посредством образования и обучения, даже требовать от бизнеса разделить эту нагрузку.¹⁹¹ Большое значение имеет и международное сотрудничество, чтобы нуждающимся могли помогать другие государства и региональные/международные организации, в том числе финансовые учреждения.

Еще одной большой проблемой является то, что различные меры поддержки распространяются не на всех работников и не применяются к многим уязвимым слоям населения. Показательным примером является сохранение рабочих мест. Несмотря на то, что, как сказано в предыдущем разделе, соответствующие меры были приняты во многих государствах и регионах, в рамках этого проекта выяснилось, что они в основном распространяются только на работников белой экономики.¹⁹² Это значит, что работники теневого сектора не получили поддержку. В некоторых странах, например, в Бангладеш, Ботсване, Камбодже и Таиланде, меры по сохранению рабочих мест распространяются только на определенные секторы и не распространяются на остальные.¹⁹³ Действительно, во многих странах и регионах работники теневого сектора получили денежные выплаты и другую поддержку, но зачастую это была одноразовая помощь в отличие от субсидий на заработную плату, которые выплачивались несколько месяцев или дольше. Этот факт четко показывает, что пандемия усугубила и без того неблагоприятную ситуацию работников теневого сектора.

Кроме того, нуждающиеся зачастую не могли воспользоваться более широкой экономической и социальной поддержкой по таким причинам, как отсутствие эффективной инфраструктуры и механизмов отчетности об оказании помощи,¹⁹⁴ чрезмерная бюрократия,¹⁹⁵ коррупция,¹⁹⁶ невозможность регистрации лиц для получения соответствующих услуг из-за отсутствия удостоверяющих личность документов и других государственных документов,¹⁹⁷ языковой барьер,¹⁹⁸ отсутствие эффективной коммуникации со стороны органов власти,¹⁹⁹ иммиграционный статус²⁰⁰ и несоответствие возрастным требованиям.²⁰¹ Все это привело к длительным задержкам в получении помощи, а для многих и к невозможности её получения. Особенно сильно такая ситуация ударила по маргинализированным слоям населения: работ-

« Да, работники теневого сектора получили денежные выплаты и другую поддержку во многих странах и регионах, но зачастую это была одноразовая помощь в отличие от субсидий на заработную плату, которые выплачивались несколько месяцев или дольше. Этот факт четко показывает, что пандемия усугубила и без того неблагоприятную ситуацию работников теневого сектора »

никам-мигрантам,²⁰² женщинам,²⁰³ этническим меньшинствам (включая представителей каст неприкасаемых),²⁰⁴ молодежи,²⁰⁵ коренным народам, беженцам и лицам без гражданства,²⁰⁶ что стало очередным свидетельством фактически существующей дискриминации в отношении лиц, принадлежащих к данным группам.

Далее приведены конкретные примеры, иллюстрирующие подобную ситуацию. В Бангладеш для получения денежной помощи на один и тот же телефонный номер было зарегистрировано 200 работников теневого сектора,²⁰⁷ что говорит об отсутствии надлежащих механизмов идентификации получателей/бенефициаров. В Таиланде работники-мигранты теоретически имели право на пособия по безработице, но на практике возможности их получить были ограничены, потому что от них требовали номер удостоверения личности государственного образца, номер счета в банке Таиланда и другую персональную информацию, которой у многих не было.²⁰⁸ Также отмечалось, что в Кении и Малайзии не выдавалась продуктовая помощь уязвимым группам населения: женщинам, меньшинствам, работникам, не имеющим документов, беженцам и соискателям статуса беженца.²⁰⁹ Об отказах в помощи работникам не имеющим документов, также сообщали и из других стран, таких как Колумбия, Мексика, некоторых стран ЕС, Пакистана и США.²¹⁰ Аналогичным образом, в Австралии, Аргентине, Белизе, на Бермудских Островах, в Канаде, Эквадоре, Доминиканской Республике, Гонконге, Японии, Иордании, Непале, Испании и Тринидаде и Тобаго материальную и иную помощь в связи с коронавирусом оказывали только тем, кто имеет гражданство, вид на жительство, официальную регистрацию или выданные государством удостоверения личности/идентификационные номера.²¹¹ Кроме того, помощь и поддержку во время пандемии все еще не получают многие работники секс-индустрии в Азии, Африке, Северной и Латинской Америке и Европе.²¹² Многие из них вынуждены были работать онлайн,²¹³ подвергая себя риску заражения вирусами,²¹⁴ дальнейшей эксплуатации и иных нарушений прав. Также в некоторых юрисдикциях повысилась криминализация сексуальных услуг/работников.²¹⁵ Еще одной сложностью является то, что поддержка не всегда доходит до удаленной сельской местности,²¹⁶ что свидетельствует об отсутствии адекватной инфраструктуры и ресурсов у различных государств.

Все это приводит к выводу о необходимости скорейшей формализации теневого сектора. При условии грамотного осуществления и участия всех заинтересованных сторон в принятии решений, формализация/«обеление» может быть экономически оправданным, так как государства смогут собирать налоги, которые, в свою очередь, можно будет использовать для поддержки бизнеса и работников по мере необходимости, постепенно стимулируя экономический рост и повышение эффективности государственного управления.²¹⁷ Также можно будет укрепить права работников и сократить случаи эксплуатации и нарушения прав со стороны бизнеса/работодателей и криминальных элементов. В качестве отправной точки все государства должны расширять общественные работы и проекты в сочетании с обучением и профессиональной подготовкой. Компании/работодатели также должны создавать возможности для трудоустройства и обучения, тесно сотрудничая с государственными органами, профсоюзами и организациями гражданского общества.

Несмотря на то, что использование современных технологий, таких как Интернет и смартфоны, для оказания помощи, например, выплаты пособий, это пример передовой положительной практики, так как технологии позволяют осуществлять выплаты максимально быстро, существует и недостаток: люди, которые не имеют доступа к этим технологиям, в том числе женщины, представители коренных народов и меньшинства, не смогли воспользоваться преимуществами и получить помощь.²¹⁸ Например, в Латинской Америке и странах Карибского бассейна до начала пандемии доступа в Интернет не имели 38% беднейших домохозяйств. В таких странах, как Боливия, Парагвай и Перу доступ в Интернет был всего у 3% населения.²¹⁹ Что касается ситуации на структурном уровне, сообщалось, что в различных государствах база данных/реестр лиц, имеющих право на получение помощи, обновлялись нерегулярно и исключали такие категории населения, как работники из числа мигрантов.²²⁰ Также со всего мира поступали сообщения о трудностях, которые испытывали работники и профсоюзы в отношении использования технологий или навигации по ним.²²¹

Более того, появляется все больше свидетельств незаконного присвоения финансовой и другой поддержки. В ряде государств, таких как Австралия, Бангладеш, Бразилия, Китай, Канада, Франция, Германия, Индия, Ирландия, Италия, Мексика, Новая Зеландия, Катар, Россия, Швейцария, Великобритания и США, наблюдались случаи хищений заработной платы и/или мошенничества с льготами со стороны частных компаний, работодателей, преступных элементов и государственных служащих.²²² Очевидно, что эта проблема касается не только регионов с низким уровнем дохода. Многие государства предпочитали оказывать поддержку непосредственно бизнесу, предполагая, что он распределит её по работникам.²²³ Однако упомянутые случаи хищений заработной платы и мошенничества доказывают, что во многих случаях никакого распределения не происходит, и подчеркивают необходимость тщательного контроля. В дополнение к правоохранительным действиям в отношении современного рабства, государства должны активно преследовать и строго наказывать виновников подобных ситуаций, а также конфисковать незаконно полученные средства, чтобы все пострадавшие работники могли воспользоваться экономической и социальной поддержкой без дискриминации. В этом отношении пример положительной передовой практики подает Франция, в которой наказание за такие преступления предусматривают штраф в размере 30 000 евро, два года тюремного заключения или запрет на доступ к государственным деньгам в течение пяти лет.²²⁴ Остальные страны должны последовать примеру.

3.3 Условия труда и жизни

В отношении условий труда и жизни пострадавших работников был выявлен целый ряд проблем. Сообщается, что жилье для работников в различных частях света все еще отличается слишком высокой плотностью заселения, что затрудняет социальное дистанцирование и повышает риск заражения среди них. У других категорий населения, таких как беженцы, соискатели статуса беженца и работники-мигранты, отмечаются трудности с обеспечением товарами первой необходимости.²²⁵ Эти проблемы становятся очевидными на карантинных объектах.²²⁶ Также сообщалось, что многие домашние работники не получили права на какую-либо поддержку, хотя они не могли даже оплатить аренду и коммунальные услуги из-за чрезвычайно низких зарплат.²²⁷ Кроме того, несмотря на то, что некоторые государства смогли обязать компании и работодателей обеспечить меры социального дистанцирования на рабочих местах, для других это оказалось сложно, особенно когда речь идет о компаниях, деятельность которых требует очного/личного контакта с коллегами или клиентами,²²⁸ многие из которых работают в теневом секторе. Это еще раз подчеркивает уязвимость нелегальных работников перед вирусной инфекцией,²²⁹ что вызывает их дальнейшую маргинализацию и стигматизацию. В этом отношении была признана необходимость более эффективной системы нормативного регулирования, которая могла бы обеспечить безопасность и контроль на рабочих местах.²³⁰

Во всех регионах мира отмечались задержки с поставкой или отсутствие доступа к дезинфицирующим средствам для рук и средствам индивидуальной защиты на рабочих местах, особенно в теневом секторе.²³¹ Многие работодатели не предоставляют их своим работникам,²³² что приводит к распространению инфекции среди них.²³³ Для смягчения этой проблемы организации гражданского общества, профсоюзы и местные сообщества принимают меры по предоставлению средств индивидуальной защиты.²³⁴ Тестирование и лечение коронавируса также не всегда доступно для малообеспеченных и маргинализированных слоев населения, таких как работники-мигранты, лица без гражданства, люди, находящиеся в рабстве на основе происхождения, и представляющие касты неприкасаемых, жители сельской местности и работники теневого сектора. Причина заключалась в прямой дискриминации или неспособности государств предоставить достаточную информацию.²³⁵ Что еще хуже, многие представители этих маргинализированных слоев населения считались разносчиками вируса,²³⁶ что только подстегивало враждебность и дискриминацию в отношении них.

Более того, бизнес делает недостаточно для защиты благосостояния работников. В Катаре, несмотря на обещание правительства гарантировать зарплаты работникам во время карантина, отмечалось, что многие компании не внедряют эту практику,²³⁷ и во многих других странах Персидского залива и за его пределами наблюдались случаи других нарушений прав: невыплата заработной платы, сверхурочные без отдыха и оплачиваемых отпусков.²³⁸ В других странах²³⁹ работодатели принуждали работников выходить на работу под угрозой снижения зарплат и увольнения. Эти примеры содержат явные признаки принудительного труда, о которых говорилось ранее, а также демонстрируют отсутствие стремления соблюдать правила у бизнеса, в дополнение к отсутствию эффективных механизмов мониторинга и обеспечения прав. Это вызывает необходимость в более тщательной трудовой инспекции и привлечении к ответственности за невыполнение требований. Вступление в профсоюз или создание профсоюза — это общепризнанное право²⁴⁰ работников и возможность улучшить условия своей работы, но в некоторых государствах во время пандемии это возможность реализации этого права была приостановлена.²⁴¹

Деятельность профсоюзов, которые неустанно работали над улучшением условий труда во время пандемии, была нарушена во многих частях света. То же самое касается и организаций гражданского общества, защищающих жертв современного рабства: карантинные меры не позволили им оказывать услуги в очной форме.²⁴² Существует множество сообщений о том, что эти организации подверглись усиленной слежке, запугиванию, задержаниям, арестам и судебным искам в Африке, Азии, Латинской Америке и на Ближнем Востоке.²⁴³ В дополнение, выяснилось, что в таких государствах, как Ангола, Хорватия и Венгрия профсоюзы не были привлечены к консультациям в отношении мер реагирования на коронавирус.²⁴⁴ Также существуют случаи несправедливого увольнения состоящих в профсоюзе работников и разгона профсоюзов.²⁴⁵ На более широком уровне весьма серьезной проблемой считалась сложность объединения в профсоюзы работников теневой сферы, например, домашних или сельскохозяйственных работников, многие из которых являются мигрантами.²⁴⁶ Государства должны осознать чрезвычайную важность своей помощи в смягчении последствий коронавируса для пострадавших работников и конструктивного взаимодействия для повышения эффективности борьбы с современным рабством.

В заключение, следует отметить, что, хотя передовой опыт и положительные практики защиты жертв современного рабства и пострадавших работников, выявленные в рамках этого проекта, должны быть признаны и широко распространены, все еще остается ряд очевидных проблем и вопросов, которые во многих случаях снижают эффективность и целесообразность принимаемых мер.

Раздел 4. Выводы и рекомендации

4.1 Выводы

В рамках этого проекта была предпринята попытка дать краткую экспресс-оценку всех основных последствий коронавируса (COVID-19) на современное рабство и выявить передовые практики в сфере защиты жертв рабства и пострадавших работников. Благодаря теоретическим исследованиям и интервью с представителями организаций гражданского общества и профсоюзов, находящихся на передовой борьбы, было показано, что пандемия оказала негативное влияние действия по борьбе с рабством, и жертвы продолжают оставаться неизвестными и эксплуатируемыми во время пандемии. Также проект продемонстрировал, что безработица повысила риск попадания работников в современное рабство. В некоторых частях света наблюдается переход работников из белой в теневую сферу; также выявлены случаи вовлечения безработных в нелегальную экономику, в которой процветают эксплуатация и другие нарушения прав.

Во всех регионах мира на предприятиях, которые продолжали работать во время пандемии, были выявлены явные признаки принудительного труда (например, злоупотребление уязвимым положением, обман, ограничение перемещений, изолирование, физическое и сексуальное насилие, запугивание и угрозы, удержание удостоверяющих личность документов, удержание зарплат, долговая кабала, недостойные условия жизни и труда и чрезмерная сверхурочная работа). В этом отношении особенно уязвимыми категориями населения являются женщины, дети и молодёжь представители коренных народов, меньшинства (включая людей, находящихся в рабстве на основе происхождения, и представителей каст неприкасаемых), работники-мигранты и внутренне и внешне перемещенные лица. В ходе настоящего проекта было четко продемонстрировано, что коронавирус (COVID-19) усугубил и без того неблагоприятную ситуацию с бедностью, неравенством и дискриминацией этих уязвимых категорий населения.²⁴⁷

Для смягчения этих последствий государства всего мира приняли ряд социальных и экономических мер поддержки, которые варьируются от схем сохранения рабочих мест/субсидирования зарплат и денежных пособий до помощи с обеспечением товарами первой необходимости и улучшением условий труда и жизни. Также развиваются передовые практики адресной помощи уязвимым группам, таким как женщины, молодёжь, работники-мигранты (как имеющие, так и не имеющие документов) и работники теневого сектора. Следует признать, что в различных частях света борьба с рабством, в том числе защита жертв, продолжается, несмотря на практические трудности, связанные с пандемией.

Помимо положительной практики, важно признать и вклад предприятий, организаций гражданского общества и профсоюзов/трудовых организаций в защиту жертв современного рабства и пострадавших работников, поскольку они сыграли важную роль в устранении пробелов в защите, допущенных многими государствами. Таким образом, очевидно, что усилий одних только государств недостаточно, и все соответствующие заинтересованные стороны должны работать вместе над разработкой и внедрением более эффективных мер противостояния современному рабству во время пандемии.

Выявленные в этом отчете положительные практики и передовой опыт заслуживают того, чтобы их перенимали и распространяли, потому что они без сомнения помогли огромному количеству жертв и работников. Однако данный проект также выявил вопросы и проблемы, присущие многим из этих мер. В первую очередь, экономическая и социальная поддержка

является временной по своей сути, и оказывать её бессрочно не является невозможным. Несмотря на то, что такое ограничение вполне ожидаемо, необходимо разработать и внедрить средне- и долгосрочную стратегию достижения справедливого баланса между предотвращением современного рабства и восстановлением экономики.

Во-вторых, стало очевидно, что многие из принятых мер являются недостаточными. Необходимо признать и проанализировать недостаток ресурсов, а также следует заняться активным поиском различных путей решения этой проблемы с ресурсами. В некоторой степени финансовый вопрос можно закрыть путем эффективного финансового расследования фактов современного рабства, мошенничества и коррупции с последующей конфискацией доходов, полученных преступным путем. Еще одной хорошей мерой является формализация/вывод работников из теневого сектора в белый сектор, так как это позволит правительствам всего мира надлежащим образом вести учет компаний и работников и собирать соответствующие налоги, которые, в свою очередь, можно будет направить на поддержку нуждающимся и стимулирование развития государственной экономики в долгосрочной перспективе.

В-третьих, в рамках проекта было продемонстрировано, что во многих случаях экономическая и социальная поддержка не охватила наиболее уязвимые группы населения. Схемы сохранения рабочих мест в основном действовали для белого формального сектора, и определенные категории людей, например, мигранты, имеющие и не имеющие документы, люди, находящиеся в рабстве на основе происхождения, и представители каст неприкасаемых, не получили более широкую экономическую и социальную поддержку. Далее, во многих частях света не наблюдалось особого улучшения условий работы и жизни, а также возникали другие проблемы, такие как коррупция, отсутствие инфраструктуры, механизмов выявления бенефициаров, имеющих право на получение помощи, а также эффективной коммуникации. Все эти факторы повлияли на скорость введения пакетов поддержки. Подводя итог, можно отметить следующее: были предприняты конструктивные действия и меры для защиты жертв современного рабства и пострадавших работников во время пандемии, что, безусловно, заслуживает признания и одобрения, однако предстоит пройти еще долгий путь к реализации по-настоящему актуальных и эффективных мер.

Существуют более глобальные уроки, которые предстоит усвоить. Во-первых, следует тщательно изучить взаимодействие между белой, теневой и нелегальной экономикой. Данный проект продемонстрировал повышение уровней нестабильности, уязвимости и нарушения прав/эксплуатации при переходе работников из белой экономики в теневую, и из теневой — в нелегальную. Полное понимание этих сложных взаимодействий, особенно в чрезвычайных ситуациях, таких как коронавирус, крайне важно для того, чтобы соответствующие заинтересованные стороны могли разрабатывать и внедрять действенные меры реагирования. Для этого потребуется междисциплинарный анализ, выходящий за рамки сферы права.

Проект также демонстрировал, что ключевые причины современного рабства усугубились во время пандемии, как и в любой другой чрезвычайной ситуации. Нищета, неравенство и дискриминация усилились во всех регионах мира, и особенно в регионах с низким уровнем дохода. Традиционно особенно сильно пострадали уязвимые категории населения, в том числе женщины, дети и молодёжь, представители коренных народов, меньшинства, работники-мигранты и внутренне и внешне перемещенные лица, а также работники неформального сектора. Вот почему существует острая необходимость в устранении этих первопричин, что позволит построить более инклюзивное общество, в котором никто не будет брошен на произвол судьбы. Огромную важность играет международное сотрудничество и солидарность, чтобы нуждающиеся могли восстановиться от пандемии без ущерба для борьбы с рабством и защиты работников.

Кроме того, проект показал, что пробелы в работе правоохранительных органов и защите, созданные коронавирусом, были использованы преступными элементами для извлечения незаконной прибыли от современного рабства. Подобная тенденция наблюдается и в других чрезвычайных ситуациях, например, во время вооруженных конфликтов или природных катастроф. Не менее важно и то, что компании и работодатели тоже воспользовались пандемией, чтобы нарушать права и эксплуатировать уязвимых работников в различных частях света. Многие правительства являются своего рода соучастниками, так как они ослабили или приостановили трудовую и социальную защиту из-за чрезвычайной ситуации с общественным здравоохранением, не оказав при этом достаточной помощи и поддержки. В этом проекте также были задокументированы новые факты коррупции среди государственных служащих и компаний/работодателей. Обеспечение ответственности и предотвращение безнаказанности должно стать неотъемлемой частью борьбы с рабством в чрезвычайных ситуациях.

Все сказанное приводит к завершающему выводу: сегодня как никогда важен ориентированный на жертв подход к правам человека. В рамках проекта был продемонстрирован широчайший спектр нарушений прав человека, допущенных во время пандемии. Вместо ограничения или приостановки действия прав жертв современного рабства и пострадавших работников, правительства должны четко и открыто признать, что их защита является наиболее эффективным способом усиления борьбы с рабством и одновременно содействию восстановлению экономики, так как это позволит предотвратить дальнейшую эксплуатацию и нарушение прав уязвимых слоев населения, а в долгосрочной перспективе обеспечит рост производительности и прибыли.²⁴⁸ Когда государства и компании/работодатели поставят права человека во главу угла не прибыль, современное рабство достаточно скоро можно будет искоренить.

4.2 Рекомендации

4.2.1 Меры по борьбе с рабством

- Государства должны продолжать расследование, судебное преследование и наказание случаев современного рабства во время пандемии, выделяя достаточно человеческих и других ресурсов. Помимо преступников, таких как организованных преступных группировок, к ответственности должны привлекаться, не оставаясь безнаказанными, предприятия и работодатели, которые замешаны в эксплуатации уязвимых групп населения.
- Государства должны усиливать трудовые инспекции, чтобы они могли эффективнее выявлять случаи современного рабства.
- Эффективное финансовое расследование случаев современного рабства и связанных с коронавирусом эпизодов мошенничества и коррупции, а также изъятие активов, полученных преступным путем, должны являться неотъемлемой частью ответных мер правоохранительных органов во время пандемии. Конфискованные доходы, полученные преступным путем, в свою очередь, следует направлять на защиту жертв и пострадавших работников, а также на расширение возможностей правоохранительных и других государственных органов.
- Государства должны продолжать защищать всех жертв современного рабства без дискриминации. Особое внимание необходимо уделять уязвимым слоям населения: женщинам, детям и молодёжи, коренным народам, меньшинствам,

мигрантам, имеющим и не имеющим документы, внутренне/внешне перемещенным лицам и работникам теневой сферы.

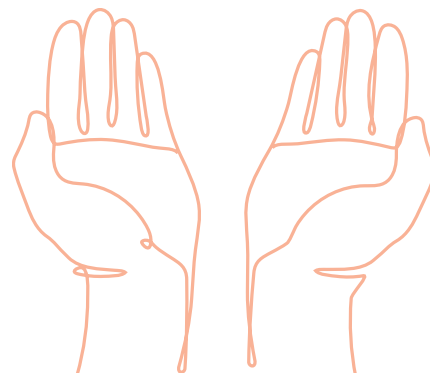
- Также необходимо оказывать специализированную адресную помощь, которая достаточной степени соответствует индивидуальным потребностям жертв, в том числе доступ к правосудию и средствам правовой защиты. В этом отношении государства должны широко консультироваться с жертвами и учитывать их мнения при разработке мер защиты.
- Государства должны признать вклад организаций гражданского общества, профсоюзов и других работников, находящихся на передовой борьбы, так как они имеют широкий опыт и знания в области помощи жертвам современного рабства. Они должны поддерживать их работу, в том числе обеспечивать безопасную рабочую среду без угрозы заражения коронавирусом. Также необходимо привлекать эти организации к принятию решений по вопросам борьбы с рабством.

4.2.2 Защита работников, пострадавших от коронавирусом

4.2.2.1 Неотложные меры

- Государства должны оказать помощь всем пострадавшим от коронавирусом работникам без какой-либо дискриминации. Особое внимание необходимо уделять уязвимым слоям населения: женщинам, детям и молодёжи, коренным народам, меньшинствам, мигрантам имеющим и не имеющим документы, а также внутренне/внешне перемещенным лицам, большинство которых работает в теневой сфере. Необходимо проводить с ними консультации в достаточном объеме и разработать и внедрить подходящие меры реагирования при коронавирусе.
- Государства должны создать и поддерживать эффективную инфраструктуру и механизмы для оказания помощи, доступные для всех пострадавших.
- Во время пандемии государства должны укреплять, а не ослаблять или приостанавливать, действие законов и норм в области трудовой и социальной защиты.
- Государства и компании/работодатели (в том числе те, которые входят в цепочки поставок) должны улучшать условия работы для работников. Они должны внедрять меры по снижению риска заражения коронавирусом на рабочем месте, такие как гибкий график работы (т. е. ротация/чередование смен и скользящий график работы), социальное дистанцирование, обеспечение средствами индивидуальной защиты и бесплатное медицинское тестирование как в белом, так и в теневом секторах.
- Государства также должны принять необходимые меры для улучшения условий жизни: предоставить продовольствие и другие товары первой необходимости, предотвратить выселения и оказать помощь в оплате аренды/ипотеки и коммунальных услуг за счет тесного сотрудничества с арендодателями и коммунальными предприятиями.

- Государства должны обеспечивать лечение и вакцинацию от коронавируса бесплатно все работникам без дискриминации, а их зарплата в период карантина и/или лечения должны быть гарантированы.
- Государства и бизнес должны уважать и защищать права всех работников в отношении их вступления в профсоюзы, в том числе работников теневой сферы и мигрантов, имеющие или не имеющие документы, которые традиционно не имеют таких прав.
- Государства должны создать и поддерживать независимый и беспристрастный механизм, который позволял бы всем работникам обращаться со случаями нарушения трудовых прав и получать средства правовой защиты.
- Государства должны признать и активно поддерживать вклад профсоюзов и организаций гражданского общества в защиту прав работников во время пандемии. Они должны участвовать в принятии решений в отношении реагирования на коронавирус, а преследования любого рода должны расследоваться и строго преследоваться.
- В отношении работников-иностранцев государства должны продлить их разрешения на работу и проживание (для официально оформленных работников) или юридически урегулировать их иммиграционный статус (для работников, не имеющих документы) и гарантировать равный доступ ко всей поддержке, предоставляемой собственным гражданам.
- Если работник-иностранец пожелает вернуться домой, то как страна происхождения, так и принимающая сторона должны совместно обеспечить его безопасное возвращение. Следует избегать коллективной высылки или депортации даже во время пандемии.
- В отношении детей государства обязаны предотвращать их вовлечение в детское рабство и другие практики, таких как сексуальная эксплуатация и принудительный брак. Необходимо активно расследовать такие нарушения и преследовать и наказывать виновников.
- Дети и молодёжь должны получить возможность продолжить получать образование во время пандемии. Государства должны обеспечить равные возможности и доступ для всех детей и молодёжи за счет улучшения инфраструктуры, в том числе доступа в Интернет и доступа к современным технологиям.

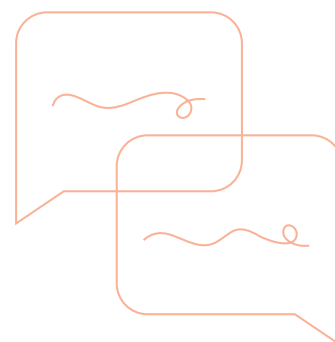

- Государства должны сотрудничать друг с другом в борьбе с КОВИДом-19. Развитые страны, а также региональные/международные организации и финансовые учреждения должны помогать развивающимся странам, не обладающим достаточными возможностями и ресурсами.
- Государства должны обеспечить наличие механизмов и ресурсов, которые позволили бы продолжить (или в некоторых случаях — начать) инициативы по проведению углубленных исследований влияния коронавируса на современное рабство с целью разработать эффективные меры реагирования, включающие поддержку фактических/потенциальных жертв современного рабства. Также необходимо разбивать данные на основании различных признаков, например, этнической принадлежности, религиозных убеждений, пола и наличия статуса инвалида, чтобы выявлять тенденции в дискриминации и уязвимости, связанные с теми или иными признаками.

4.2.2.2 Меры на средне- и долгосрочную перспективу

- Государства должны работать в направлении максимально быстрого «обеления»/формализации теневой экономики, чтобы работники могли пользоваться теми же правами, что и официальные работники/работники формального сектора.
- Государства должны обеспечить равный доступ к образованию, профессиональной подготовке, возможностям трудоустройства и более широкой экономической и социальной поддержке всем людям без дискриминации. Особое внимание следует уделять наиболее уязвимым слоям населения, например, женщинам, детям и молодёжи, представителям коренных народов, меньшинства (включая людей, находящихся в рабстве на основе происхождения, и представителей каст неприкасаемых) и внутренне/внешне перемещенные лица.
- Государства должны точно оценивать потребности в трудовых ресурсах в различных секторах, открывать легальные и безопасные каналы для миграции работников-иностранцев, которые способны удовлетворить эти потребности, и дать им все те права, которые имеют собственные граждане.
- Государства должны бороться с первопричинами современного рабства, в частности с бедностью, неравенством и дискриминацией, которые усугубились во время пандемии, как самостоятельно, так и в сотрудничестве с соответствующими заинтересованными сторонами, такими как жертвы современного рабства, компании, национальные организации по защите прав человека, организации гражданского общества и региональные/международные организации.

Раздел 5. Руководящие принципы противодействия современному рабству в чрезвычайных ситуациях

Общие принципы

Принцип 1. Права человека должны быть в центре всех действий против современного рабства в чрезвычайных ситуациях.

Международное законодательство в части защиты прав человека продолжает действовать и во время чрезвычайных ситуаций,²⁴⁹ поэтому защита и продвижение прав человека фактических или потенциальных жертв современного рабства должны быть ключевой целью мер по борьбе с рабством,²⁵⁰ так как их уязвимость резко возрастает в чрезвычайных ситуациях.

Расследование, судебное преследование и наказание

Принцип 2. Государства должны продолжать расследование и преследование и наказание виновных за все случаи современного рабства даже в чрезвычайных ситуациях.

Несмотря на то, что в чрезвычайных ситуациях некоторые права человека могут быть ограничены, запрет рабства, кабалы и принудительного труда был установлен как не допускающий отступлений и поэтому должен соблюдаться.²⁵¹

Другие документы в части защиты прав человека, такие как Конвенция о правах ребёнка от 1989 года (КПР),²⁵² два протокола к ней: О торговле детьми, детской проституции и детской порнографии и Об участии детей в вооружённых конфликтах,²⁵³ а также Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 1979 года (CEDAW)²⁵⁴ дополняют это обязательство.

В области международного трудового права, в чрезвычайных ситуациях применимы такие нормы, как Конвенция Международной организации труда (МОТ) о принудительном труде от 1930 года, Конвенция МОТ о наихудших формах детского труда от 1999 года и Конвенция о достойном труде домашних работников от 2011 года.²⁵⁵ Международное уголовное право также запрещает порабощение, в том числе торговлю людьми, сексуальное рабство, принудительную проституцию и вербовку детей в солдаты, и считает подобные действия преступлениями против человечества и/или военными преступлениями.²⁵⁶

В качестве отправной точки, государства должны продолжать расследования, преследование и наказание виновников в случаях современного рабства, порабощения/сервитута, принудительного труда и других видов эксплуатации в чрезвычайных ситуациях,²⁵⁷ к которым прибегают преступники, а также бизнес и работодатели. Как подтверждается механизмами защиты прав человека,²⁵⁸ современные технологии, включая использование проактивных разведывательно-правоприменительных мер, таких как наблюдения и прослушивание коммуникаций, могут оказаться полезными в преодолении современного рабства, имеющего изоциренный характер.

В чрезвычайных ситуациях государства должны выделять достаточные людские и другие ресурсы, чтобы обеспечивать надлежащее судебное преследование и неотвратимое наказание виновников в случаях современного рабства.²⁶⁰

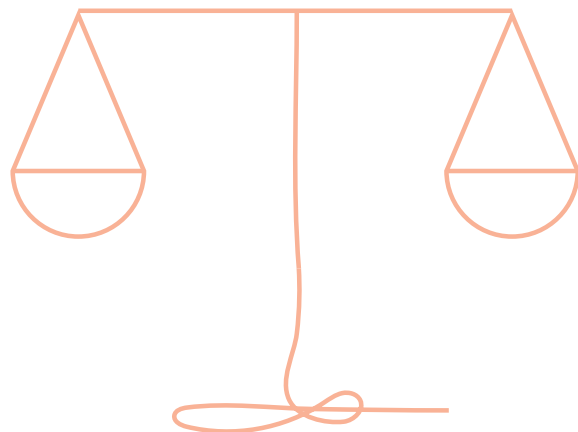
Принцип 3. Правоохранительные меры против современного рабства в чрезвычайных ситуациях должны приниматься в соответствии с существующими нормами и принципами в области защиты прав человека.

В дополнение к уголовным расследованиям, основанные на данных спецслужб правоохранительные меры, предусматривающие применение специальных методов расследования, может вызывать вопросы, относящиеся к праву на неприкосновенность частной жизни. Несмотря на то, что это право может быть ограничено в чрезвычайных ситуациях, эти ограничения должны соответствовать требованиям правомерности, необходимости, пропорциональности и недискриминации.²⁶¹

Принципы правомерности и верховенства права требуют, чтобы право на справедливое правосудие, включая презумпцию невиновности, права на независимые суды, отказ от дачи показаний и право на юридическую помощь соблюдались даже в чрезвычайных ситуациях.²⁶²

Принцип 4. Финансовые расследования и конфискация средств, добытых преступным путем за счет современного рабства, должны являться неотъемлемой частью мер по борьбе с рабством.

Финансовые расследования и конфискация средств, добытых преступным путем, должны происходить параллельно с уголовными расследованиями и судебными разбирательствами.²⁶³ Эта обязанность связана с прогрессивной реализацией экономических, социальных и культурных прав в соответствии с Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах от 1966 года (ICESCR).²⁶⁴ Такие расследования должны быть направлены не только на тех, кто эксплуатирует жертв напрямую, но и на тех, кто извлекает выгоду путем мошенничества и коррупции в чрезвычайных ситуациях. Конфискованные доходы должны быть направлены на защиту жертв²⁶⁵ и расширение возможностей правоохранительных органов.

Защита и помощь

Принцип 5. Государства должны продолжать выявлять и защищать жертв современного рабства во время чрезвычайных ситуаций.

Обязательство защищать жертв современного рабства считается частью запрета рабства²⁶⁶ и должно применяться в чрезвычайных ситуациях.²⁶⁷ Другие нормы по защите прав человека²⁶⁸ и международное трудовое право²⁶⁹ усиливают эту обязанность по защите.

Прежде всего, государства должны надлежащим образом выявлять жертв, чтобы их можно было защищать.²⁷⁰ Это означает, что государства должны обеспечить и сохранять достаточные человеческие и другие ресурсы для эффективной работы государственных механизмов

выявления в чрезвычайных ситуациях. Государства также должны принимать разумные меры для перемещения жертв из мест эксплуатации в безопасные места.²⁷¹

При предоставлении защиты и помощи государства не должны применять единый для всех, универсальный подход к защите и помощи, поскольку степень виктимизации/угнетения зависит от обстоятельств, в которых оказалась жертва. Необходима специализированная помощь, которая удовлетворяла бы индивидуальным потребностям, которые могут включать, помимо прочего, доступ к услугам здравоохранения,²⁷² обеспечение товарами первой необходимости,²⁷³ юридическую помощь,²⁷⁴ возможности обучения и профессиональной подготовки²⁷⁵ и реабилитацию.²⁷⁶ Для этого необходимо участие жертв современного рабства и консультирование с ними.²⁷⁷

В чрезвычайных ситуациях должен быть временно закреплен иммиграционный статус жертв современного рабства из числа иностранцев²⁷⁸ на основании прав человека и/или гуманных соображений с целью обеспечить защиту и компенсацию, а также возможность получения постоянного вида на жительство. Жертвы из числа иностранцев должны иметь право на безопасное возвращение в свои страны,²⁷⁹ причем произвольная или коллективная депортация должна быть предотвращена.²⁸⁰ Принцип запрета на депортацию, напрямую применимый к жертвам современного рабства, запрещает государствам выселять их в страны, в которых они могут подвергнуться риску серьезных нарушений прав человека со стороны государственных или негосударственных субъектов,²⁸¹ и в том числе вновь оказаться в современном рабстве.²⁸²

Защита должна обеспечиваться без дискриминации в любое время с уделением особого внимания уязвимым группам населения, в том числе женщинам, детям, внутренне/внешне перемещенным лицам, лицам без гражданства, пожилым людям, инвалидам, представителям коренных народов, меньшинствам и работникам из числа мигрантов, имеющих или не имеющих документы.²⁸³

Принцип 6. Государства должны обеспечить чтобы предприятия и работодатели соблюдали и защищали права человека в чрезвычайных ситуациях.

Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека ООН действуют в контексте чрезвычайных ситуаций, таких как коронавирус²⁸⁴ и вооруженные конфликты.²⁸⁵ Любая помощь оказываемая предприятиям и работодателям в чрезвычайных ситуациях, в том числе компаниям в цепочках поставок, сопровождается однозначным требованием обеспечить то, чтобы «работники не подвергались рискам для здоровья и безопасности, имели оплачиваемые отпуска по болезни и не подвергались эксплуатации под предлогом кризиса и чрезвычайной ситуации».²⁸⁶ Государства должны отказаться от поддержки бизнесу и работодателям, допустившим серьезное нарушение прав человека,²⁸⁷ в том числе замешанным в современном рабстве, и принять законодательные и иные меры привлечения к ответственности.²⁸⁸

Принцип 7. Государства должны обеспечивать доступ к правосудию и средствам правовой защиты с помощью законодательных, административных, судебных и других инструментов.

Обеспечение доступа к правосудию и средствам правовой защиты является одним из основных обязательств государств, которое также применяется в чрезвычайных ситуациях.²⁸⁹ В зависимости от обстоятельств, в которых оказались жертвы, это может быть судебное или административное разбирательство;²⁹⁰ включая юридическую, дипломатическую и/или консульскую помощь, участие в уголовном процессе,²⁹¹ компенсацию за причиненный вред и материальных потерь, таких как невыплаченная заработная плата,²⁹² извинения, реституция и реабилитация, а также гарантия неповторения ущерба.²⁹³ Государства должны обеспечить ответственность негосударственных субъектов, замешанных в грубых нарушениях прав человека в чрезвычайных ситуациях, в том числе компаний и работодателей, и обеспечить их сотрудничество с механизмами по исправлению ситуации.²⁹⁴

Принцип 8. В рамках обеспечения эффективной защиты государства должны активно сотрудничать с организациями гражданского общества и профсоюзами.

Организации гражданского общества и профсоюзы играют важную роль в предотвращении, пресечении или защите от современного рабства в чрезвычайных ситуациях. Их вклад должен признаваться и поддерживаться государствами путем привлечения их к принятию решений²⁹⁵ или по борьбе с рабством, а также путем защиты от преследования или угроз.²⁹⁶ Особое внимание следует уделять обеспечению права на свободу и безопасность лиц, работающих на организации гражданского общества и профсоюзы. Любые меры, умаляющие права профсоюзов в чрезвычайных ситуациях, должны быть согласованы с обязательствами государства в соответствии с международным законодательством, включая международное гуманитарное право, и должны соответствовать строгим требованиям необходимости, пропорциональности и недискриминации, контролируемым независимой судебной системой.²⁹⁷ Такие действия, как похищение и незаконный арест/задержание, не подпадают ни под какие исключения, и государства обязаны защищать жертв от вмешательства негосударственных субъектов, таких как компании и работодатели или преступные организации.²⁹⁸

Предотвращение

Принцип 9. Государства должны улучшать условия жизни и работы работников.

Улучшение условий жизни и работы работников — это важнейший шаг к предотвращению современного рабства, который часто упускают из виду в чрезвычайных ситуациях. В этом отношении государства должны гарантировать справедливые и приемлемые условия труда.²⁹⁹ В качестве минимального требования государства должны избегать принятия регрессивных мер без тщательного рассмотрения и обоснования.³⁰⁰ К ним может относиться ослабление или приостановка действия законов и мер, направленных на трудовую и социальную защиту, если это ослабление или приостановка не является временной, необходимой, пропорциональной и недискриминационной.³⁰¹ Комитет по экономическим, социальным и культурным правам подчеркнул, что регрессивные меры, в том числе приостановка действия законодательства, необходимого для реализации права на работу, недопустимы.³⁰² Например, «принятие политики в сфере трудовой миграции, усиливающих уязвимость работников-мигрантов к эксплуатации», является явным нарушением права на справедливые и приемлемые условия

труда.³⁰³ Подобная же логика, основанная на принципе недискриминации, должна применяться и в отношении других уязвимых слоев населения.

Государства не имеют права каким-либо образом оправдывать регрессивные меры в отношении прав на справедливые и приемлемые условия труда, а также в отношении «ключевых обязательств», таких как гарантированный минимальный размер заработной платы, внедрение национальной политики в сфере охраны здоровья и труда, запрет домогательств (в том числе сексуальных) на работе, а также введение и обеспечение соблюдения минимальных стандартов в отношении отдыха, сокращенного рабочего дня, досуга оплачиваемых отпусков и государственных праздников.³⁰⁴ Государство должно обеспечить равенство подхода к потенциально уязвимым слоям населения, в том числе к женщинам, детям, молодым и пожилым работникам, работникам с инвалидностью, работникам теневой сферы, работникам из числа мигрантов, имеющих и не имеющих документы, представителям коренных народов и меньшинств, самозанятым, внутренне/внешне перемещенные лица и лицам без гражданства.³⁰⁵

Государства должны помогать предприятиям выявлять, предотвращать и смягчать риски в отношении права на справедливые и приемлемые условия труда, включая несчастные случаи и болезни, а также привлекать их к ответственности за нарушение этого права.³⁰⁶ Необходимо обеспечить надежную и эффективную систему трудовых инспекций и поддерживать её работу даже в чрезвычайных ситуациях.³⁰⁷

Всем работникам должно быть гарантировано право на образование профсоюза,³⁰⁸ которое позволит им улучшать свои условия работы. Хотя это право и может быть ограничено в чрезвычайной ситуации, такое ограничение должно быть временным, необходимым, пропорциональным и недискриминационным.³⁰⁹ Права на образование профсоюза должны распространяться на всех, включая иностранных граждан.³¹⁰ Несмотря на то, что права работников, имеющих документы, в этом отношении несколько больше,³¹¹ даже работники, не имеющие документы, тоже имеют некоторые права, как например право вступать в профсоюзы, принимать участие в их собраниях и обращаться к ним за помощью.³¹² Принцип недискриминации означает, что равные права должны быть у всех, в том числе у женщин, неформальных работников³¹³ и других уязвимых групп населения.

В отношении условий жизни жертв современного рабства и работников в чрезвычайных ситуациях, государства должны продолжать обеспечивать их безопасным и надежным жильем.³¹⁴ Принудительное выселение и отсутствие места жительства усиливают уязвимость к дальнейшей эксплуатации и нарушениям прав в чрезвычайных ситуациях и противоречат международному законодательству в области прав человека.³¹⁵ Очень важно продолжать социальное обеспечение и защиту, в том числе выплату пособий, в чрезвычайных ситуациях,³¹⁶ чтобы избежать ситуации с отсутствием постоянного места жительства и предотвратить эксплуататорские практики, которые можно приравнивать к рабству, порабощению/сервиту или принудительному труду. Приоритет следует отдавать особенно уязвимым категориям населения, например, женщинам, детям, работникам теневой сферы, представителям коренных народов, меньшинствам, мигрантам, внутренне/внешне перемещенным лицам и лицам без гражданства.

Принцип 10. Государства должны продолжать работу по предотвращению современного рабства в чрезвычайных ситуациях.

Предотвращение тесно связано с другими обязательствами в отношении прав человека. Эффективное расследование и наказание виновников, поддержка и помощь, улучшение условий труда и жизни может спасти уязвимые категории населения от попадания в современное рабство.

На более широком уровне, другие меры по предотвращению, действующие в обычных ситуациях, в равной степени распространяются и на чрезвычайные ситуации.³¹⁷ К ним относятся внедрение национальных планов действия, повышение осведомленности и обучение сотрудников правоохранительных и других государственных органов, отвечающих за меры противодействия рабству.³¹⁸ Государства также должны признавать и поддерживать вклад в предотвращение рабства со стороны жертв/переживших современное рабство, организаций гражданского общества и других сторон, таких как профсоюзы.

Международное сотрудничество и солидарность

Принцип 11. Международное сотрудничество и солидарность имеют решающее значение для продолжения борьбы с рабством в чрезвычайных ситуациях.

Важность международного сотрудничества и солидарности подчеркивается в статьях 1, 55 и 56 Устава ООН и статье 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (ICESCR),³¹⁹ при этом концепция *erga omnes* (принцип «относительно всех»), действующая в отношении защиты от рабства,³²⁰ усиливает это обязательство. Международное сотрудничество и солидарность особенно важны в чрезвычайных ситуациях, так как государства могут быть вынуждены перераспределять ресурсы на борьбу с чрезвычайными ситуациями, что замедляет или приостанавливает борьбу с рабством.

Развитые страны, обладающие достаточными ресурсами, должны оказывать помощь нуждающимся, чтобы все государства могли продолжать противодействовать рабству, а также обеспечить защиту и продвижение прав человека среди жертв современного рабства и работников, а также сотрудничество в области международной уголовной юстиции.³²¹

Международные учреждения, в том числе УНП ООН (Управление ООН по наркотикам и преступности; англ. UNODC от United Nations Office on Drugs and Crime), МОТ, и УВКБ ООН (Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев; англ. the United Nations High Commissioner for Refugees), а также региональные организации на протяжении всей истории играли важную роль в поддержке развивающихся стран в чрезвычайной ситуации. Однако очень важно, чтобы их деятельность и меры были направлены на защиту и продвижение прав человека,³²² в том числе на защиту от современного рабства.

То же самое можно сказать и о международных финансовых организациях, таких как Всемирный банк, Международный валютный фонд и региональные банки развития. Для защиты уязвимых категорий населения от попадания в современное рабство, государства должны следить за тем, чтобы их стратегии, политики и программы не нарушали ключевые обязательства в области прав человека, в том числе обязательства, относящиеся к праву на работу³²³ и обеспечение справедливых и приемлемых условий труда.³²⁴

Во время чрезвычайных ситуаций государства должны временно приостановить действие экономических санкций и других принудительных мер, принятых в отношении других государств. Эти меры часто оказывают отрицательное влияние на защиту и продвижение прав человека,³²⁵ включая право на труд.³²⁶ Это, в свою очередь, может приводить к образованию теневой или нелегальной экономики³²⁷ и увеличить число случаев современного рабства. Подобные принудительные меры также влияют на международную солидарность и сотрудничество в преодолении чрезвычайных ситуаций.³²⁸

Примечания

- 1 Interview with Anti-Racism Movement (19/2/21); Interview with Anti-Slavery Australia (29/1/21); Interview with Anti-Slavery International (19/11/20); Interview with Caribbean Migration and Development Observatory (OBMICA)(17/12/20); Interview with Pakistan Dalit Solidarity Network (11/12/20); Interview with Platform for Labour Action (26/11/20); Interview with Proyecto de Derechos Económicos, Sociales y Culturales AC (ProDESC) (3/12/2020); Anti-Slavery International, Association Nigérienne pour le Traitement de la Délinquance et la Prévention du Crime (ANTD) and Timidria, Joint Submission for the Universal Periodic Review of Niger (2020), 6; Centre for Social Justice & Justice Care UK, It Still Happens Here: Fighting UK Slavery in the 2020s (July 2020), 61; Global Initiative against Transnational Organised Crime, Aggravating Circumstances: How Coronavirus Impacts on Human Trafficking (May 2020), 20; Organisation for Security and Cooperation in Europe (OSCE) and UN Women, Guidance: Addressing Emerging Human Trafficking Trends and Consequences of the COVID-19 Pandemic (2020), 67 and 71; and UN Country Team at Laos PDR, Joint Response to the Joint Questionnaire on COVID-19 and Human Rights by Special Procedures Mandate Holders (June 2020), 26.
- 2 Interpol, Threats and Trend: Child Sexual Exploitation and Abuse: COVID-19 Impact (September 2020), 7-8. It reported that 60% of Interpol Member States have not accessed its International Child Exploitation Database during the pandemic.
- 3 Interview with Arbeit und Leben (18/12/20); Interview with Canadian Labour Congress (12/1/21); Interview with Comité Contre l'Esclavage Moderne (30/11/20); Interview with Focus on Labour Exploitation (FLEX) (30/11/20); Interview with La Strada International (30/11/20); Interview with LEFÖ-IBF (30/11/20); Interview with Anti-Slavery International, *supra* n. 1; International Labour Organisation (ILO), Country Policy Responses, <https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/regional-country/country-responses/lang-en/index.htm>; and Labour Behind the Label, Boohoo & COVID-19: People Behind Profits (June 2020), 12.
- 4 Interview with Platform for Labour Action, *supra* n. 1.
- 5 Interview with a civil society organisation in Thailand (18/12/20); Interview with Timidria (12/1/21); U.S. Department of State, Trafficking in Persons Report 2020 (TIP Report), 76 and 88; Interview with Anti-Slavery Australia, *supra* n. 1; Interview with Comité Contre l'Esclavage Moderne, *supra* n. 3; and Interpol, *supra* n. 2, 9.
- 6 Commonwealth Human Rights Initiative, Response to Joint Questionnaire by Special Rapporteur Mandate Holders on Protecting Human Rights during and after COVID-19; Modern Slavery: National Referral Mechanism and Duty to Notify Statistics UK, Quarter 2 (April-June) 2020; Interview with LEFÖ-IBF, *supra* n. 3; Centre for Social Justice & Justice and Care UK, *supra* n. 1, 61; and OSCE and UN Women, *supra* n. 1, 25, 66 and 67.
- 7 Interviews with Anti-Slavery International and ProDESC, *supra* n.1; Global Initiative against TOC, *supra* n. 1, 18; and OSCE and UN Women, *ibid.*, 11, 21, 67 and 68.
- 8 OSCE and UN Women, *ibid.*, 11 and 18.
- 9 This has been reported in States including Australia, Austria, France, Cameroon, the Caribbean, Germany, India, Kenya, Lebanon, Malaysia, Nigeria, the Philippines, Tanzania, Vietnam and the United Kingdom. Interview with Awareness against Human Trafficking (HAART)(24/11/20); Interview with Elom Empowerment (17/12/20); Rights Lab (University of Nottingham), Protecting Human Rights during and after the COVID-19 Crisis: Response to the Joint Questionnaire Special Procedures (June 2020), 3; Interviews with Anti-Racism Movement and OBMICA, *supra* n. 1; Interviews with Comité Contre l'Esclavage Moderne, FLEX, and LEFÖ-IBF, *supra* n. 3; and Global Initiative against TOC, *supra* n. 1, 18.
- 10 Anti-Slavery International, Protecting Human Rights during and after COVID-19: A Response by Anti-Slavery International (June 2020), 5; Interview with Anti-Slavery Australia, *supra* n. 1; Interviews with Comité Contre l'Esclavage Moderne and LEFÖ-IBF, *ibid.*; and Interview with La Strada International, *supra* n. 3.
- 11 Interview with Initiative pour la Résurgence du Mouvement Abolitionniste en Mauritanie (14/12/20); UN Women, COVID-19 and the Impact on Civil Society Organisations Working to End Violence against Women and Girls (2020), 5; Interview with Platform for Labour Action, *supra* n. 1; Interview with HAART, *supra* n. 9; and Global Initiative against TOC, *supra* n. 1, 18.
- 12 Commonwealth Human Rights Initiative, *supra* n. 6, 2.
- 13 Freedom Fund, Global Pandemic, Local Devastation: Frontline Efforts to Support the Most Vulnerable (September 2020), 12; Interview with LEFÖ-IBF, *supra* n. 3; and OSCE and UN Women, *supra* n. 1, 22, 66-67.
- 14 OSCE and UN Women, *ibid.*, 66.
- 15 Interview with Center for Economic and Social Rights (4/12/2020); Replies by the Government of Finland to the Questionnaire by Several Special Procedure Mandate Holders (June 2020), 27; and Commonwealth Human Rights Initiative, *supra* n. 6, 3 and 5.
- 16 Interview with American Federation of Labor and Congress of Industrial Organizations (AFL-CIO) (7/1/21); and Interview with La Strada International, *supra* n. 3.
- 17 Interview with Anti-Slavery Australia, *supra* n. 1; Centre for Social Justice & Justice and Care UK, *supra* n. 1, 61; and Global Initiative against TOC, *supra* n. 1, 2-3.
- 18 OSCE and UN Women, *supra* n. 1, 22.
- 19 Interview with ProDESC, *supra* n. 1.
- 20 Hope for Justice, Response to Joint Questionnaire of Special Procedures (2020), 5.
- 21 ILO Monitor, COVID-19 and the World of Work, 7th ed. (January 2021), 1-2.
- 22 Report of the Special Rapporteur on Contemporary Forms of Slavery, Including Its Causes and Consequences, A/HRC/45/8 (2020), para. 21.
- 23 Rajneesh Narula, 'Policy Opportunities and Challenges from the COVID-19 Pandemic for Economies in Large Sector' (2020) 3 Journal of International Business Policy 302, 303.
- 24 Food and Agriculture Organisation (FAO), Impact of COVID-19 on Informal Workers (April 2020), 1; and ILO and Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD), The Impact of COVID-19 Pandemic on Jobs and Incomes in G-20 Economies (2020), 16.
- 25 ILO, Women and Men in Informal Economy: A Statistical Picture, 3rd ed (2018), 20.
- 26 FLEX, No Workers Left Behind: Protecting Vulnerable Workers from Exploitation during and After the Coronavirus (COVID-19) Pandemic (April 2020), 8; and Shinnosuke Kikuchi, Sagiri Kitao and Minamo Mikoshiba, 'Who Suffers from the COVID-19 Shocks? Labor Market Heterogeneity and Welfare Consequences in Japan' COVID Economics, Issue 40 (July 2020), 76.
- 27 Freedom Fund, *supra* n. 13, 32.
- 28 Interview with Human Development Organisation (11/12/20); Interview with International Dalit Solidary Network (IDSN) (27/11/2020); Jurgen Schwettmann, COVID-19 and Informal Economy: Impact and Response Strategies in Sub-Saharan Africa (August 2020), 10; United Nations Development Programme (UNDP), Impact of COVID-19 on Lives, Livelihoods and Micro, Small and Medium-Sized Enterprises in Tajikistan (2020), 64; and Interview with Platform for Labour Action, *supra* n. 1.
- 29 ILO and Asian Development Bank, Tackling the COVID-19 Youth Unemployment Crisis in Asia and the Pacific (2020), 7.
- 30 ILO Monitor, COVID-19 and the World of Work, 4th ed (May 2020), 7.
- 31 Interview with English Collectives of Prostitutes (18/12/20); Cansu Aydin, Rapid Gender Analysis – COVID-19, Iraq (CARE International in Iraq, June 2020), 13; CARE and UN Women, Latin America and the Caribbean Rapid Gender Analysis for COVID-19 (2020), 30 and 32; Chitra Nagarajan, Impact of COVID-19 on VAWG in Nigeria, VAWG Helpdesk Research Report (July 2020), 10; Evidence Consortium on Women's Group, The Impact of COVID-19 on Opportunities for Adolescent Girls and the Role of Girls' Group (September 2020), 5; Jenny Parks et al., Young People, Inequality Violence during the COVID-19 Lockdown in Uganda, CoVAC Working Paper (October 2020); John Gachohi et al., 'Public Health Challenges Posed by Delays in Obtaining COVID-19 Clearance for Long Distance Truckers in East Africa' (2020) Global Epidemiology 1, 2; Outright Action Population Council, Social, Health, Education and Economic Effects of COVID-19 on Adolescent Girls in Kenya (June 2020), 5; Outright International, Vulnerability Amplified: The Impact of the COVID-19 Pandemic on LGBTIQ People (2020); Plan International and African Child Policy Forum, Under Siege: Impact of COVID-19 on Girls in Africa (June 2020), 8 and 20; Rob Stephenson, et al., 'In the Time of COVID-19: Results of an Online Survey of Gay, Bisexual and Other Men Who Have Sex with Men's Experience of Sex and HIV Prevention During the US COVID-19 Epidemic' (2020) AIDS and Behaviour 1, 4; and Interview with Canadian Labour Congress, *supra* n. 3.
- 32 Interview with the International Committee on the Rights of Sex Workers in Europe (ICRSE) (18/12/20); and Interview with English Collectives of Prostitutes, *ibid.*
- 33 Interview with Inclusivity Project (10/12/2020); Interview with Institute on Statelessness and Inclusion (19/1/21); Interview with Nagorik Udyog (10/12/2020); Interview with National Campaign for Dalit Human Rights (11/12/20); Interview with Samata Foundation (10/12/2020); Consultative Group to Assist the Poor (CGAP), Relief for Informal Workers, Falling Through the Cracks in the COVID-19 Crisis (August 2020), 2; Interview with a civil society organisation in Thailand, *supra* n. 5; Interview with HAART, *supra* n. 9; Interview with Initiative pour la Résurgence du Mouvement Abolitionniste en Mauritanie, *supra* n. 11; Interview with AFL-CIO, *supra* n. 16; and Interview with Human Development Organisation, *supra* n. 28.
- 34 ILO, Impact on the Labour Market and Income in Latin America and the Caribbean (September 2020), 8; and Interview with Anti-Racism Movement, *supra* n. 1.
- 35 World Trade Organization, The Economic Impact of COVID-19 on Women in Vulnerable Sectors and Economies (August 2020), 5; Interview with Canadian Labour Congress, *supra* n. 3; and Interview with Center for Economic and Social Rights *supra* n. 15.
- 36 Christian Aid, Building Back with Justice: Dismantling Inequalities after COVID-19 (July 2020), 17; and Ethical Trading Initiative, COVID-19 Briefing Note: Migrant Workers (2020).
- 37 Anti-Slavery International, Leaving No One Behind (April 2020), Dalits ("broken/scattered" in Sanskrit) have traditionally faced multiple discriminations in their society.
- 38 Interview with Initiative pour la Résurgence du Mouvement Abolitionniste en Mauritanie, *supra* n. 11; and Anti-Slavery International, A Response, *supra* n. 10, 5.
- 39 CGAP, *supra* n. 33, 2.
- 40 Interview with Platform for Labour Action, *supra* n. 1; and Interview with a civil society organisation in Thailand, *supra* n. 5.
- 41 Interview with Pakistan Dalit Solidarity Network, *supra* n. 1.
- 42 Interview with Platform for International Cooperation on Undocumented Workers (PICUM) (18/12/20); and Interview with Anti-Racism Movement, *supra* n. 1.

- 43 ILO, Indicators of Forced Labour (2012). These indicators have been used to analyse instances of modern slavery globally in this project.
- 44 Laura Foley and Nicola Piper, COVID-19 and Women Migrant Workers: Impacts and Implications (International Organisation for Migration (IOM) 2020), 3; and Interview with AFL-CIO, *supra* n. 16.
- 45 OECD, COVID-19 Crisis in the MENA Region, Impact on Gender Equality and Policy Responses (June 2020), 12; and Foley and Piper, *ibid.*, 5.
- 46 ILO, COVID-19 and Care Workers Providing Home or Institution Based Care (October 2020), 2-3.
- 47 *Ibid.*, 3; and Interview with Canadian Labour Congress, *supra* n. 3.
- 48 Amnesty International, COVID-19 and Its Human Rights Impact in Indonesia (2020), 6; and ILO, *ibid.*
- 49 UN Women, COVID-19 and Violence against Women and Girls: Addressing the Shadow Pandemic (2020), 3.
- 50 Freedom United, Exposing the Hidden Victims of COVID-19 (May 2020), 10; and International Bar Association Human Rights Institute, IBAHRI COVID-19 Human Rights Monitor (July 2020), 7.
- 51 Ethical Trading Initiative, Labour Standards in Pakistan's Surgical Instruments Sector: A Synthesis Report (2020); Walk Free Foundation, Protecting People in a Pandemic (2020), 9; and Anti-Slavery International, A Response, *supra* n. 10, 7; and TIP Report, *supra* n. 5, 157.
- 52 The Guardian, 'Vulnerable Prisoners Exploited to Make Coronavirus Masks and Hand Gels' (12/3/20), <https://www.theguardian.com/global-development/2020/mar/12/vulnerable-prisoners-exploited-to-make-coronavirus-masks-and-hand-gel>; Interview with AFL-CIO, *supra* n. 16; Anti-Slavery International, *ibid.*, 7; Freedom United, *supra* n. 50, 10; and Global Initiative against TOC, *supra* n. 1, 12.
- 53 ILO, The Supply Chain Ripple Effect: How COVID-19 is Affecting Garment Workers and Factories in Asia and the Pacific (October 2020), 3 and 8.
- 54 ILO, What Next for Asian Garment Production After COVID-19? The Perspectives of Industry Stakeholders (2020), 18.
- 55 Textile Focus, Cambodia: Government Approved the Proposal of PPE Production (June 2020), <http://textilefocus.com/cambodia-government-approved-proposal-ppe-production/>.
- 56 Global Sourcing Fung Business Intelligence, Asia Sourcing Update (June 2020); and ILO, Recommendations for Garment Manufacturers on How to Address the COVID-19 Pandemic (2020), 3.
- 57 ILO, *ibid.*
- 58 Migrant Workers Alliance for Change, Unheeded Warning: COVID-19 and Migrant Workers in Canada (2020).
- 59 COVID-19 Watch, ETUC Briefing Note (May 2020), 8.
- 60 Freedom Fund, *supra* n. 13, 27.
- 61 Interview with ProDESC, *supra* n. 1.
- 62 Infectious Disease Society of America (IDSA) and HIV Medicine Association (HIVMA), COVID-19 Policy Brief: Disparities among Immigrant Populations in the United States (September 2020), 4; Interfaith Center on Corporate Responsibility, Investor Statement: Recommendations for Meat Processors during COVID-19 (May 2020), 1; Jonathan W. Dyal, et al., COVID-19 among Workers in Meat and Poultry Processing Facilities (Center for Disease Control and Prevention)(April 2020); and Interview with AFL-CIO *supra* n. 16.
- 63 Foley and Piper, *supra* n. 44, 6.
- 64 Interview with Anti-Racism Movement, *supra*, n 1; ILO, Impact of COVID-19 on Migrant Workers in Lebanon and What Employers Can Do About It (April 2020); Trade Union of Domestic Workers' Solidarity, We Are Domestic Workers, Not Dust Rugs (January 2021), 24; and Walk Free Foundation, *supra* n. 51, 7.
- 65 Assessment Capacities Project (ACAPS), Migrant Vulnerabilities in Bangladesh, India and Nepal (October 2020), 5.
- 66 Business & Human Rights Resource Centre, World Cup & Expo Construction: COVID-19 and Risks to Migrant Workers in Qatar and UAE (2020), 8.
- 67 Anti-Slavery International, Anti-Slavery Reporter (Summer 2020), 16; ILO, Experiences of ASEAN Migrant Workers during COVID-19 (June 2020), 6; Interviews with Anti-Racism Movement and ProDESC, *supra* n. 1; Interview with Canadian Labour Congress, *supra* n. 3; Interview with Center for Economic and Social Rights *supra* n. 15; Freedom United, *supra* n. 50, 5; and Trade Union of Domestic Workers' Solidarity, *supra* n. 64, 26-27.
- 68 Interview with ProDESC, *ibid.*; Migrant Workers Alliance for Change, *supra* n. 58, 8-9; and OECD, COVID-19 Crisis in the MENA Region, *supra* n. 45, 10.
- 69 Interview with Anti-Racism Movement, *supra*, n. 1; and FLEX, *supra* n. 26, 6.
- 70 ILO, COVID-19 and Urban Passenger Transport Services (September 2020), 5; and Interview with Canadian Labour Congress, *supra* n. 3.
- 71 Interview with AFL-CIO, *supra* n. 16.
- 72 Interview with International Trade Union Confederation (ITUC) (8/12/20); Alrud, Country Guide on COVID-19 Government Measures (2020), 59; Equidem, The Cost of Contagion: The Human Rights Impact of COVID-19 on Migrant Workers in the Gulf (November 2020), 22; Interview with National Campaign for Dalit Human Rights, *supra* n. 33; and Report of the Special Rapporteur on Contemporary Forms of Slavery, *supra* n. 22, para. 58.
- 73 Report of the Special Rapporteur on Contemporary Forms of Slavery, *ibid.*
- 74 Interview with Anti-Racism Movement, *supra*, n. 1; Equidem, *supra* n. 72, 47; IDSA and HIVMA, *supra* n. 62, 4; and Migrant Workers Alliance for Change, *supra* n. 58, 11.
- 75 Interview with Anti-Racism Movement, *ibid.*; Interview with AFL-CIO *supra* n. 16; and Interview with Canadian Labour Congress, *supra* n.3.
- 76 Interview with IDSN, *supra* n. 28; and Interviews with Nagorik Udyog and National Campaign for Dalit Human Rights, *supra* n. 33.
- 77 ILO, COVID-19: Impact on Migrant Workers and Country Response in Thailand (July 2020), 6; Transient Workers Count Too, Response to the Joint Questionnaire of Special Procedures (June 2020), 6; WHO, Health System Response to COVID-19: Maldives (2020), 5; Interview with Anti-Racism Movement, *supra* n. 1; ACAPS, Migrant Vulnerabilities, *supra* n. 65, 4; ETUC Briefing Note, *supra* n. 59, 9; Global Initiative against TOC, *supra* n. 1, 12; and Migrant Workers Alliance for Change, *supra* n. 58, 19.
- 78 FAO, Migrant Workers and the COVID-19 Pandemic (April 2020), 2.
- 79 United Nations Children's Fund (UNICEF), COVID-19 and Children, <https://data.unicef.org/covid-19-and-children/>.
- 80 Interview with a civil society organisation in Senegal (12/1/21); Save the Children: COVID-19 Impact on African Children (June 2020), 11; United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR), Supporting Continued Access to Education During COVID-19: Emerging Good Practices (April 2020), 4-5; and Interview with Timidria, *supra* n. 5.
- 81 ACAPS, Education in Iraq: Impact of COVID-19 Protests and Pre-Existing Crises on Needs (November 2020), 7; End Child Prostitution and Trafficking (ECCPAT) UK, Replies to the Joint Questionnaire of Special Procedures Mandate Holders (June 2020), 6; EU Fundamental Rights Agency, Coronavirus Pandemic in the EU- Fundamental Rights Implications: Focus on Social Rights (November 2020), 23-24; Interview with Nagorik Udyog, *supra* n. 33; and OECD, COVID-19 Crisis in the MENA Region, *supra* n. 45, 4.
- 82 International Cocoa Initiative, Hazardous Child Labour in Côte d'Ivoire's Cocoa Communities during COVID-19 (July 2020); UNICEF and ILO, COVID-19 and Child Labour: A Time of Crisis, A Time to Act (2020), 9-11; World Vision, Warning: May Contain Child Labour- Risky Canadian Grocery Report (2021), 4; Interviews with Platform for Labour Action and ProDESC, *supra* n. 1; ACAPS, *ibid.*, 11; and Commonwealth Human Rights Initiative, *supra* n. 6, 3.
- 83 Interview with Platform for Labour Action, *ibid.*; Interview with HAART, *supra* n. 9; Interview with Initiative pour la Résurgence du Mouvement Abolitionniste en Mauritanie, *supra* n. 11; Interviews with Nagorik Udyog and Samata Foundation, *supra* n. 33; Interview with a civil society organisation in Senegal, *supra* n. 80; Freedom Fund, *supra* n. 13, 12; Global Initiative against TOC, *supra* n. 1, 5; and Plan International and African Child Policy Forum, *supra* n. 31, 21-22.
- 84 Plan International, African Girls in the COVID-19 Pandemic (August 2020), 4; and Interview with Institute on Statelessness and Inclusion, *supra* n. 33.
- 85 Report of the Special Rapporteur on Contemporary Forms of Slavery, *supra* n. 22, para. 35.
- 86 Interpol, *supra* n. 2, 9-11.
- 87 Europol, Exploiting Isolation: Offenders and Victims of Online Child Sexual Abuse During the COVID-19 Pandemic (June 2020).
- 88 Hope for Justice, COVID-19 and Potential Implications on Human Trafficking and Other Forms of Modern Slavery Internationally (April 2020), 8; Interview with Platform for Labour Action, *supra* n. 1; Commonwealth Human Rights Initiative, *supra* n. 6, 8; and Global Initiative against TOC, *supra* n. 1, 5.
- 89 IOM and UNHCR, COVID-19 and Mixed Population Movements: Emerging Dynamics, Risks and Opportunities (2020), 2; and Wilfried Martens Centre for European Studies, COVID-19 and Old-New Politics of Irregular Migration from Libya (July 2020), 2.
- 90 United Nations Office of Drugs and Crime (UNODC), How COVID-19 Restrictions and the Economic Consequences Are likely to Impact Migrant Smuggling and Cross-Border Trafficking in Persons to Europe and North America (2020), 10.
- 91 UNHCR, Global COVID-19 Emergency Response (October 2020); Interviews with Platform for Labour Action and ProDESC, *supra* n. 1; Interview with HAART *supra* n. 9; Centre for Social Justice & Justice and Care UK, *supra* n. 1, 64; and OSCE and UN Women, *supra* n. 1, 24-25.
- 92 ILO, The Impact of COVID-19 on Indigenous Communities: Insights from Indigenous Navigator (October 2020), 18.

- 93 Amnesty International, Let Us Speak Our Rights: Human Rights Situation of Rohingya Refugees in Bangladesh (September 2020), 9; Burmese Rohingya Organisation UK, IDC Response: Follow Up Questions on the Situation of Rohingya (April 2020); Interview with Nagorik Udyog *supra* n. 33; and Global Initiative against TOC, *supra* n. 1, 5.
- 94 UNODC, COVID-19 and Drug Supply Chain: From Production and Trafficking to Use (2020), 16.
- 95 Centre for Social Justice & Justice and Care UK, *supra* n. 1, 64; and Global Initiative against TOC, *supra* n. 1, 16.
- 96 UNODC, The Impact of COVID-19 on Organized Crime (2020), 12.
- 97 Safer Cumbria, Modern Slavery and Human Trafficking: October 2020 Update, 11.
- 98 Global Initiative against Transnational Organised Crime, Gangs in Lockdown: Impact of COVID-19 Restrictions on Gangs in East and Southern Africa (October 2020); Interview with Platform for Labour Action, *supra* n. 1; and Commonwealth Human Rights Initiative, *supra* n. 6.
- 99 Interview with the Passage (18/12/20); Australian Catholic Religious against Trafficking in Persons, Responses to the Questions by the Special Rapporteur on Contemporary Forms of Slavery (June 2020), 2; Replies by Hungary to the Joint Questionnaire by Special Procedure Mandate Holders (June 2020), 24; Response of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland to the Joint Questionnaire by Special Procedures Mandate Holders (June 2020), 26; The Responses of the Slovak Republic to Joint Questionnaire by Special Procedure Mandate Holders (June 2020), 17; Interview with LEF0-IBF, *supra* n. 3; Interview with Human Development Organisation, *supra* n. 28; Commonwealth Human Rights Initiative, *supra* n. 6, 8; and ILO, Country Policy Responses, *supra* n. 3.
- 100 President's Interagency Task Force, Report on U.S. Government Efforts to Combat Trafficking in Persons (October 2020), 11.
- 101 Eurojust Press Release: Human Traffickers Taken to Court with Support of Eurojust (November 2020), <https://www.eurojust.europa.eu/human-traffickers-swiftly-taken-court-support-eurojust>.
- 102 CBC News, Federal Government Moves to Seal Off Canadian Companies from Human Rights Violations in China (January 2021), <https://www.cbc.ca/news/politics/canada-xinjiang-forced-labour-1.5869752>; and The Independent, US Bans All Cotton and Tomato Products from Xinjiang over Slave Labour Links (January 2021), <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-ban-xinjiang-cotton-tomato-ughur-b1787151.html>.
- 103 Adam McCann, 'Virtual Criminal Justice and Good Governance during COVID-19' (2020) 7 European Journal of Comparative Law and Governance 225, 227-228; Bonavero Institute of Human Rights, A Human Rights and Rule of Law Assessment of Legislative and Regulatory Responses to the COVID-19 Pandemic Across 27 Jurisdictions (October 2020), 41; Brooklyn Human Trafficking Task Force, COVID-19 Effects on Human Trafficking Responses (2020), 4; Center for Justice Innovation, Impact of COVID-19 on Justice Systems At Home and Abroad (August 2020); International Bar Association, Impact of COVID-19 on Court Operations and Litigation Practice (June 2020), 27 and 42; and UN Women, COVID-19 and Ending Violence against Women and Girls (2020), 6.
- 104 Replies by the Government of Finland to the Questionnaire by Several Special Procedure Mandate Holders (June 2020), 27; Replies by Greece (June 2020), 6; Interview with Anti-Slavery International, *supra* n. 1; Brooklyn Human Trafficking Task Force, *ibid.*, 1; and Commonwealth Human Rights Initiative, *supra* n. 6, 6.
- 105 Alessandra Cancedda et al, Mitigating the Socio-Economic Impacts of COVID-19 in Ethiopia with a Focus on Vulnerable Group (UNICEF 2020), 12; Interview with a civil society organisation in Senegal, *supra* n. 80; Hope For Justice, Response, *supra* n. 20, 3; and TIP Report, *supra* n. 5, 432-433.
- 106 Interview with La Strada International, *supra* n. 3.
- 107 Commonwealth Secretariat Submission to the UN Special Rapporteur on Contemporary Forms of Slavery, Including Its Causes and Consequences (June 2020); and UNHCR, Supporting Continued Access to Education during COVID-19: Emerging Good Practices (July 2020).
- 108 Interview with HAART, *supra* n. 9.
- 109 Interview with a civil society organisation in Thailand, *supra* n. 5.
- 110 Interview with Platform for Labour Action, *supra* n. 1; Interview with LEF0-IBF, *supra* n. 3; and Interview with the Passage, *supra* n. 99.
- 111 Interview with FLEX, *supra* n. 3; and Global Initiative against TOC, *supra* n. 1, 18.
- 112 Center for Global Development, COVID-19 in Colombia: Impact and Policy Responses (2020), 13; Inter-American Development Bank, Public Policy to Tackle COVID-19 (2020), 36 and 44; ILO, The Impact of COVID-19 on the Tourism Sector (May 2020), 5; ILO, Protecting the Rights at Work of Refugees and Other Forcibly Displaced Persons During the COVID-19 Pandemic (June 2020), 4; ILO, A Quick Reference Guide to Common COVID-19 Policy Responses (September 2020), 18; International Monetary Fund (IMF), Policy Responses to COVID-19, <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid-19/Policy-Responses-to-COVID-19>; ITUC-Africa, African Responses to COVID-19 and the Role of Trade Unions (June 2020), 124; KPMG, Government Response – Global Landscape, <https://home.kpmg/xx/en/home/insights/2020/04/government-response-global-landscape.html>; OECD, Coronavirus: SME Policy Responses (July 2020), 25-27; UNDP Cuba, Support to the National Response and Recovery to Contain the Impact of COVID-19 (May 2020); World Bank, COVID-19 in Brazil: Impact and Policy Responses (2020), 72; Global Initiative against TOC, *supra* n. 1, 22; and ILO, Country Policy Responses, *supra* n. 3.
- 113 They include Belgium, Brazil, the Czech Republic, France, Germany, Greece, Italy, Japan, Latvia, Luxembourg, Norway, Portugal, South Korea, Spain, Sweden, Switzerland, Turkey and the United States of America. OECD, Job Retention Schemes during the COVID-19 Lockdown and Beyond (August 2020), 3-9; ILO and OECD, *supra* n. 24, 25.
- 114 They include Australia, Canada, Estonia, Ireland, the Netherlands, New Zealand and Poland. OECD, *ibid.*
- 115 They include Argentina, Armenia, Azerbaijan, Bangladesh, Bhutan, Canada, Ethiopia, Guinea, Kazakhstan, Kenya, Mexico, Nepal, Peru, Indonesia, India, Mexico, Nigeria, Palau, Pakistan, the Philippines, Saint Vincent and the Grenadines, Sierra Leone, South Africa, South Korea, Timor-Leste, Uganda and Uzbekistan. FAO, Public Employment Programmes in the time of COVID-19 (August 2020), 8; ILO, Impact of COVID-19 on Nepali Migrant Workers (June 2020), 10; Ugo Gentilini et al., Social Protection and Job Responses to COVID-19: A Real-Time Review of Country Responses (World Bank, September 2020), 73, 98, 282, 328, 351, 380, 393, and 460; World Bank, Potential Responses to the COVID-19 Outbreak in Support of Migrant Workers (June 2020), 21; Interview with HAART, *supra* n. 9; Interview with Nagorik Udyog, *supra* n. 33; ILO, Country Policy Responses, *supra* n. 3; ILO, A Quick Reference Guide, *supra* n. 112, 12; and IMF, Policy Responses, *supra* n. 112.
- 116 They include Argentina, Australia, Austria, Belgium, Chile, Colombia, Denmark, Estonia, Finland, France, Germany, Iran, Ireland, Israel, Mexico, New Zealand, Norway, Peru, South Korea, Spain, Turkey, the United Kingdom and the United States of America. Asian Development Bank, Coming Out Stronger from COVID-19: Policy Options on Migrant Health and Immigration (October 2020), 6; UNHCR, Livelihoods and Economic Inclusion: COVID-19 Emerging Good Practices (2020), 2; Australian Catholic Religious against Trafficking in Persons, *supra* n. 99, 2; and World Bank, *ibid.*, 11, 12, 22, 23, 27, 30 and 35.
- 117 They include Cameroon, Democratic Republic of Congo, Egypt, India, Kenya, Malaysia, Malawi, Mozambique, Niger, Thailand, Ukraine, Zambia and Zimbabwe. Interview with Elom Empowerment, *supra* n. 9; and UNHCR, *ibid.*, 4.
- 118 ILO, COVID-19: Public Employment Services and Labour Market Policy Responses (August 2020), 14-15; and Interview with Canadian Labour Congress, *supra* n. 3.
- 119 ILO, Negotiated Income Support and Job Security in Tunisia (October 2020); and OECD, COVID-19 Crisis in the MENA region, *supra* n. 45, 22.
- 120 IMF, Policy Responses, *supra* n. 112.
- 121 Indonesian Corruption Watch, Critical Review of the Training Provider of the Preemployment Card Programme (May 2020), 6.
- 122 Interview with ProDESC, *supra* n. 1; and ILO, Country Policy Responses, *supra* n. 3.
- 123 ILO, A Quick Reference Guide, *supra* n. 112, 7-8.
- 124 Advisory issued by the Indian Ministry of Labour and Employment (20 March 2020) and Chief Labour Commissioner Circular (30 March 2020). The Supreme Court of India in the case of *Alakh Alok Srivastava vs. Union of India* (Civil Writ Petition Number 468/2020) expressed an opinion that non-compliance with the advisory by the government would attract a penalty under the Penal Code. Argentina (Decree 624/2020) and Venezuela (Decree 4167) have temporarily prohibited dismissals through legislation. See further, Alrud, *supra* n. 72, 24, 29, 58, and 81; Gentilini et al., *supra* n. 115, 196 and 330; ILO, Country Policy Responses, *supra* n. 3; ILO and OECD, *supra* n. 24, 27; and OECD, COVID-19 Crisis in the MENA Region, *supra* n. 45, 21.
- 125 Law No. 18 of 2020, and Law No. 17 of 2020 (Qatar); and Human Rights Watch, Lebanon: New Safeguards for Migrant Domestic Workers (September 2020), <https://www.hrw.org/news/2020/09/18/lebanon-new-safeguards-migrant-domestic-workers>.
- 126 Gentilini et al., *supra* n. 115, 508; Inter-American Development Bank, *supra* n. 112, 37; ILO, Country Policy Responses, *supra* n. 3; and ILO and OECD, *supra* n. 24, 31.
- 127 They include Austria, Belarus, the Czech Republic, France, Germany, Italy, Slovenia and Turkey. Gentilini et al., *ibid.*, 84 and 500; and ILO, COVID-19 and Care Workers, *supra* n. 46, 8.
- 128 They include Albania, Argentina, Australia, Austria, Belgium, Brazil, Cabo Verde, Canada, China, Dominica, France, Georgia, Germany, Iceland, Ireland, Israel, Italy, Jamaica, Lithuania, Luxembourg, Malta, Mauritius, the Netherlands, Paraguay, Portugal, Romania, Russia, Saint Lucia, Singapore, the Slovak Republic, Slovenia, South Korea, Spain, Sri Lanka, Switzerland, Taiwan, Thailand, the United Kingdom and the United States of America. Interview with Canadian Labour Congress, *supra* n. 3; Gentilini et al., *ibid.*, 27-35, 90, 123, 204, 212, 248, 261, 271, 326, 355, 386, 404, 448, and 483; ILO Country Policy Response, *supra* n. 3; and ILO and OECD, *supra* n. 24, 29-30.
- 129 They include Bolivia, Hong Kong, India, Iran, Peru and Singapore. OECD, COVID-19 Crisis in the MENA Region, *supra* n. 45, 23-24; and UNHCR, Livelihoods and Economic Inclusion, *supra* n. 116, 7.
- 130 They include Afghanistan, Bolivia, Cambodia, China, Egypt, Liberia, Malawi, Peru, Togo and Zimbabwe. Gentilini et al., *supra* n. 115, 37, 100, 125, 141, 184, 297, 311, 389, 493, and 542.
- 131 They include Moldova, the Philippines, Thailand and Ukraine. Gentilini et al., *ibid.*, 333, 392, 488, and 518.
- 132 ACAPS, Colombia: Outlook for September-February (September 2020), 3; African Development Bank, COVID-19 Support Programme in G5 Countries (July 2020), 22 and 44; Clingendael Institute, The Politics of COVID-19 in the Sahel (May 2020), 2; Government of Togo, Press Release: Togolese Government Gives Support to Informal Workers Affected by Its Measures against COVID-19 (April 2020); ILO, Social Protection for Migrant Workers: A Necessary Response to the COVID-19 Crisis (June 2020), 8; ILO, Impact of COVID-19 on Cambodian Migrant Workers (August 2020), 5; Matias Busso et al., The Challenges of Protecting Informal Households during the COVID-19 Pandemic: Evidence from Latin America, COVID

- Economics, Issue 27 (June 2020), 56; OECD, COVID-19 in Latin America and Caribbean: An Overview of Government Responses to the Crisis (May 2020), 8; United Nations Nepal, COVID-19 Nepal: Preparedness and Response Plan (May 2020), 6; World Bank, Project Information Document, (May 2020), 7; CGAP, *supra* n. 33, 5-7; Gentilini et al., *ibid.*, 27-35; Global Initiative against TOC, *supra* n. 1, 22; Inter-American Development Bank, *supra* n. 112, 36-37, 42, and 44; ILO, Tourism Sector, *supra* n. 112, 5 and 7; IMF, Policy Responses, *supra* n. 112; ITUC-Africa, *supra* n. 112, 19; OECD, COVID-19 Crisis in the MENA Region, *supra* n. 45, 23; and Schwettmann, *supra* n. 28, 5.
- 133 They include Argentina, Bangladesh, Brazil, Cambodia, Colombia, Costa Rica, the Gambia, Guatemala, India, Indonesia, Jordan, Morocco, Namibia, Pakistan, Peru, Thailand, Togo, Tunisia, Turkey, South Africa, Uruguay, Vietnam and Zimbabwe. Center for Global Development, Women's Access to Cash Transfers in Light of COVID-19 (June 2020), 2; Center for Global Development, Digital Cash Transfers for Stranded Migrants: Lessons from Bihar's COVID-19 Assistance Programme (October 2020); International Bank for Reconstruction and Development (IBRD) and World Bank, Scaling Up Social Assistance Payments as Part of COVID-19 Response (2020), 9, 13-14; Special Rapporteur on Extreme Poverty and Human Rights, Looking Back to Look Ahead: A Rights-Based Approach to Social Protection in the Post COVID-19 Economic Recovery (September 2020), para. 43; Busso et al., *ibid.*, 57; Gentilini et al., *ibid.*, 18-19; IMF, Policy Responses, *ibid.*; OECD, COVID-19 Crisis in the MENA Region, *ibid.*, 24; and OECD, COVID-19 in Latin America and Caribbean, *ibid.*, 8.
- 134 Yale School of Management, Countries Provide Support Workers in the Informal Economy (May 2020), <https://som.yale.edu/blog/countries-provide-support-to-workers-in-the-informal-economy>.
- 135 ILO, Country Policy Responses, *supra* n. 3.
- 136 Global Initiative against TOC, *supra* n. 1, 22.
- 137 Bayanihan Heal as One Act 2020, Republic Act No. 11494. See Implementing Guidelines of Republic Act No. 11494 'An Act Providing for COVID-19 Response and Recovery Interventions and Providing Mechanisms to Accelerate the Recovery and Bolster the Resiliency of the Philippine Economy, Providing Funding Thereof, and For Other Purposes' (November 2020).
- 138 ILO, A Quick Reference Guide, *supra* n. 112, 18.
- 139 ILO, Tourism Sector, *supra* n. 112, 5.
- 140 ILO, Country Policy Responses, *supra* n. 3.
- 141 Oxfam, The Hunger Virus: How COVID-19 is Fuelling Hunger in a Hungry World (July 2020), 13.
- 142 Special Rapporteur on Extreme Poverty and Human Rights, *supra* n. 133, para. 16.
- 143 Esuna Duragova, Unpaid Care Work in Times of COVID-19 Crisis: Gendered Impacts, Emerging Evidence and Promising Policy Responses, Paper prepared for the UN Expert Group Meeting 'Families in Development: Assessing Progress, Challenges and Emerging Issues. Focus on Modalities for IYF+30', 13.
- 144 Interviews with La Strada International and LEFÖ-IBF, *supra* n. 3. The requirement is that they are formally registered with the governments. While it is possible for sex workers to register as self-employed in France and the United Kingdom, the majority of them do not in reality, due to the stigma attached to the job and/or fear of law enforcement actions against them. Interview with Syndicat du Travail Sexuel (STRASS) (18/12/20); and Interview with English Collectives of Prostitutes, *supra* n. 31.
- 145 They include Australia, Austria, Bahrain, Belgium, Bulgaria, Canada, Chile, Colombia, Croatia, the Czech Republic, Denmark, Estonia, Finland, France, Germany, Greece, Hungary, Iran, Ireland, Israel, Italy, Japan, Kenya, Latvia, Lithuania, Luxembourg, Malta, Mexico, Morocco, the Netherlands, New Zealand, Poland, Portugal, Qatar, the Slovak Republic, Slovenia, South Africa, South Korea, Spain, Thailand, Tunisia, Uganda, the United Arab Emirates, the United Kingdom and the United States of America. FAO, Migrant Workers and Remittances in the Context of COVID-19 in Sub-Saharan Africa (July 2020), 4-5; OECD, Managing International Migration under COVID-19 (June 2020), 14-16; OECD, What is the Impact of the COVID-19 Pandemic on Immigrants and Their Children? (October 2020), 14; PICUM, Non-Exhaustive Overview of European Government Measures Impacting Undocumented Migrants Taken in the Context of COVID-19 (2020), 17-21; ILO, Country Policy Response, *supra* n. 3, ILO, Rights at Work of Refugees, *supra* n. 112, 5; ILO, Social Protection for Migrant Workers, *supra* n. 132, 5; and World Bank, Potential Responses, *supra* n. 115, 9-11, 24-28, 30, 32, 37-38, and 40.
- 146 Asian Development Bank, Coming Out Stronger, *supra* n. 116, 6-7; ILO, Country Policy Responses, *supra* n. 3; and World Bank, *ibid.*, 11, 23, 24, 26, and 32.
- 147 Interview with FLEX, *supra* n. 3; ILO, Rights at Work of Refugees, *supra* n. 112, 6; and ILO, Social Protection for Migrant Workers, *supra* n. 132, 7.
- 148 They include Austria, Belgium, Brazil, Egypt, Finland, Germany, Ireland, Norway, South Africa, Spain, Tunisia, the United Kingdom and the United States of America. Centre for Mediterranean Integration, Responding to the Challenges of COVID-19 in the Mediterranean (October 2020), 4; Congressional Research Service, Unauthorised Immigrants' Eligibility for COVID-19 Relief Benefits in Brief (May 2020); State of California, COVID-19 Guidance for Immigrant Californians (2020); Interview with LEFÖ-IBF, *supra* n. 3; ILO and OECD, *supra* n. 24, 31; ILO, Social Protection for Migrant Workers, *ibid.*, 8; PICUM, *supra* n. 145, 8-9 and 13-14; and World Bank, Potential Responses, *supra* n. 115, 23, 27, and 40.
- 149 They include Belgium, the Czech Republic, Finland, France, Luxembourg, Malta, the Netherlands, Norway, Spain, Switzerland and the United Kingdom. PICUM, *ibid.*, 8.
- 150 Law 34 (Relaunch Decree) Issued on 19 May 2020 (Italy); ETUC Briefing Note, *supra* n. 59, 11; PICUM, *ibid.*; Special Rapporteur on Extreme Poverty and Human Rights, *supra* n. 133, para. 15; and World Bank, Potential Responses, *supra* n. 115, 37.
- 151 M2030, Mayapada Group and Tahir Foundation Lead Response to COVID-19, <https://m2030.org/2020/04/06/mayapada-group-and-tahir-foundation-lead-response-to-covid-19/>.
- 152 Spar Croatia, Spar Croatia Expands Cooperation with 60 Small-Scale Domestic Producers, <https://spar-international.com/news/spar-croatia-expands-cooperation-with-60-small-scale-domestic-producers/>.
- 153 Danone UK, COVID-19 Information, <https://corporate.danone.co.uk/en/discover/mission-in-action/id8512>.
- 154 Gazette 43620 of 18 August 2020.
- 155 They include Bosnia and Herzegovina, Croatia, Djibouti, Egypt, Germany, Greece, Hungary, Malta, Spain, Ukraine and the United States of America. Decree-Law 79-A/2020 of 1 October (Portugal); Government Decree 47/2020 (18 March 2020) (Hungary); Legislative Act (Government Gazette A' 55) of 11 March 2020 as amended by Legislative Act (Government Gazette A' 64) of 14 March 2020 (Greece); Occupational Safety and Health Act 1970 (USA); Alrud, *supra* n. 72, 34; and ILO, Country Policy Responses, *supra* n. 3.
- 156 ILO, Country Policy Response, *ibid.*
- 157 They include Australia (some States), Austria, Bahrain, Belgium, Burkina Faso, Canada, Chile, Colombia, Estonia, Finland, France, Germany, Greece, Hungary, Iran, Ireland, Israel, Italy, Kazakhstan, Lithuania, Luxembourg, Malaysia, Maldives, Mexico, Nepal, the Netherlands, Niger, Norway, Peru, Portugal, Oman, Qatar, Rwanda, Saudi Arabia, Singapore, Slovenia, South Korea, Spain, Sweden, Switzerland, the United Arab Emirates and the United Kingdom. ACAPS, Burkina Faso, Mali and Niger: Vulnerability to COVID-19 Containment Measures (April 2020), 4-5; United Nations, Social Protection Responses to the COVID-19 Crisis in the MENA/Arab State Region (July 2020), 10; Interview with ProDESC, *supra* n. 1; Interview with Canadian Labour Congress, *supra* n. 3; Asian Development Bank, Coming Out Stronger, *supra* n. 116, 5; ILO, Country Policy Response, *ibid.*; OECD, Immigrants and Their Children, *supra* n. 145, 7-8; OECD, Managing International Migration, *supra* n. 145, 18-19; PICUM, *supra* n. 145, 13; Transient Workers Count Too, *supra* n. 77, 9; and World Bank, Potential Responses, *supra* n. 115, 10, 29, 32-33, and 37.
- 158 ILO, COVID-19 and Care Workers, *supra* n. 46, 8.
- 159 They include Algeria, Australia, Austria, Belize, Brazil, Chile, Canada, Cook Islands, the Czech Republic, Denmark, Estonia, Fiji, Finland, France, Germany, Iran, Ireland, Japan, Latvia, Lithuania, Mozambique, New Zealand, Russia, San Marino, Singapore, South Korea, Spain, the United Kingdom and the United States of America. Organisation of American States (OAS), COVID-19 in Women's Lives: The Global Care Emergency (2020), 36; Alrud, *supra* n. 72, 1 and 10; Gentilini et al., *supra* n. 115, 27-35, 170, 215, 346, and 360; ILO, Country Policy Responses, *supra* n. 3; ILO and OECD, *supra* n. 24, 22-23; ILO, A Quick Reference Guide, *supra* n. 112, 18-19; and OECD, SME Policy Response, *supra* n. 112, 28.
- 160 They include Andorra, Argentina, Austria, Chile, Cyprus, Greece, Honduras, Indonesia, Italy, Jordan, Luxembourg, Montenegro, Norway, Romania, Saint Vincent and the Grenadines, South Korea, Trinidad and Tobago, the United States of America and Uzbekistan. Alrud, *ibid.*, 37 and 44; Gentilini et al., *ibid.*, 27-35, 139, 168, 268, 277, 306, 322, 373, 404, 460, 525, and 530; and ILO, Country Policy Responses, *ibid.*
- 161 They include Argentina, Australia, the Bahamas, Belarus, China, Denmark, Finland, Georgia, Hong Kong, Hungary, Indonesia, Malaysia, Malta, Montenegro, Myanmar, New Zealand, Oman, Panama, Peru, the Philippines, Romania, Seychelles, the Slovak Republic, Slovenia, South Africa, Qatar, Turkey and Ukraine. Employees Compensation Ordinance (Hong Kong); Minister of Manpower Circular No. M/8/HK.04/V/2020 dated May 28, 2020 (Indonesia); Mayer Brown, Asia Employment Law: Quarterly Review (June 2020), 36; Squire, Patton & Boggs, COVID-19 Measures Taken by Latin American Countries (May 2020), 1; Alrud, *ibid.*, 25, 44, 75, and 89; Gentilini et al., *ibid.*, 27-35, 202, 341, and 382; Inter-American Development Bank, *supra* n. 112, 43; ILO, Country Policy Responses, *ibid.*; ILO, A Quick Reference Guide, *supra* n. 112, 12 and 18; OAS, *supra* n. 159, 36; and World Bank, Potential Responses, *supra* n. 115, 35.
- 162 ILO, A Quick Reference Guide, *ibid.*, 18.
- 163 Center for Policy Impact in Global Health, Kenya's Policy Responses to COVID-19 (August 2020), 7; Development Initiatives, Socioeconomic Impact of COVID-19 in Uganda (August 2020), 17; ILO, COVID-19: Impact on Migrant Workers and Country Response in Malaysia (May 2020), 5; Oxfam International, Submission by Oxfam International Responding to the Questionnaire on COVID-19 and Human Rights (June 2020), 5-6; African Development Bank, *supra* n. 132, 72; Amnesty International, Human Rights Impact in Indonesia, *supra* n. 48, 13; Gentilini et al., *supra* n. 115, 27-35, 101, 105, 116, 125, 132, 135, 139, 144, 148, 152, 160, 166, 175, 186, 188, 192, 194, 207, 209, 217, 228, 231, 234, 268, 293, 307, 309, 338, 342, 349, 371, 386, 389, 440, 442, 444, 471, 479, 483, 510, 519, 522, 525, 538, and 540; Inter-American Development Bank, *supra* n. 112, 38 and 42; ILO Country Responses, *supra* n. 3; ILO and OECD, *supra* n. 24, 31; IMF, Policy Responses, *supra* n. 112; OECD, COVID-19 Crisis in the MENA Region, *supra* n. 45, 24-25; and Schwettmann, *supra* n. 28, 10.
- 164 Clingendael Institute, *supra* n. 132, 2, 44 and 45; Gentilini et al., *ibid.*, 27-35, 341, 382, 466, and 535; ILO, Country Policy Responses *ibid.*; and OECD, COVID-19 Crisis in the MENA Region, *ibid.*
- 165 They include Albania, the Bahamas, Barbados, Bolivia, Canada, the Czech Republic, Fiji, Gabon, Guyana, Hong Kong, Indonesia, Kosovo, Kuwait, Lithuania, Jamaica, Japan, Malaysia, Malta, Mexico, North Macedonia, Saint Kitts and Nevis, Saint Lucia, Saudi Arabia, the Slovak Republic, Suriname, Trinidad and Tobago, Turks and Caicos, Uruguay and Venezuela. Interview with Canadian Labour Congress, *supra* n. 3; Gentilini et al., *ibid.*, 27-35, 101, 207, 222, 245, 256, 284, 316, 322, 329, 421, 430, 446, 466, 506, 516, 523, and 535; and ILO, Country Policy Responses, *ibid.*

- 166 They include Argentina, Australia, Austria, Belgium, Canada, France, Germany, Hungary, Ireland, Israel, Luxemburg, the Netherlands, New Zealand, Portugal, Spain, the United Kingdom and the United States of America. OECD, Housing Amid COVID-19, Policy Responses and Challenges (July 2020), 17; and Interview with Anti-Slavery Australia, *supra* n. 1. In Australia, suspension has been implemented by some regions.
- 167 Laura T. Murphy, Labour and Sex Trafficking among Homeless Youth: A Ten City Study (2016); OECD, Combating COVID-19's Effects on Children (August 2020); Unseen, Modern Slavery and Homelessness (2019); and Interview with the Passage, *supra* n. 99.
- 168 OECD, COVID-19 Crisis in the MENA Region, *supra* n. 45, 22.
- 169 They include Bangladesh, Belgium, Cambodia, Colombia, Denmark, Germany, Japan, Kenya, Madagascar, Myanmar, Nigeria, Oman, South Africa, South Sudan, Sri Lanka, Tunisia and Uruguay. Anjarwalla & Khanna, Preparing for a Safe Return to Work (2020); Business and Human Rights Resource Centre, Cambodia: Sofitel Hotel and Union Agree on Unpaid Compensation Packages for Workers Terminated due to COVID-19 Pandemic Following Workers' Protest (2020), <https://www.business-humanrights.org/en/latest-news/cambodia-sofitel-hotel-union-agree-on-unpaid-compensation-packages-for-workers-terminated-due-to-covid-19-pandemic-following-workers-protests/>; ILO, Collective Agreement on a Bio Security Protocol against COVID-19 in Colombia's Banana Plantations (October 2020); ILO, Issue Paper on COVID-19 and Fundamental Principles and Rights at Work (2020), 9; ITUC Asia-Pacific, COVID-19 Pandemic: A Brief Analysis of the Impacts on Employment, the Governments' Initial Responses and Trade Unions' Actions in the Asia-Pacific Region (May 2020), 23; Memorandum of Understanding between the Nigerian Employers' Consultative Association, the Nigeria Labour Congress, and Trade Union Congress of Nigeria (June 2020); New Industrial Relation Framework and ILO Japan, COVID-19 Situation – Impact and Responses: What Trade Unions and Employers Need to Know (2020), 23-24; ETUC Briefing Note, *supra* n. 59, 10-11; ILO, The Supply Chain Ripple Effect, *supra* n. 53, 15-16; and ITUC-Africa, *supra* n. 112, 138.
- 170 Interview with Canadian Labour Congress, *supra* n. 3.
- 171 ILO, Protecting Migrant Workers during the COVID-19 Pandemic (April 2020); Interview with AFL-CIO, *supra* n. 16; Interview with PICUM, *supra* n. 42; and Interview with ITUC, *supra* n. 72.
- 172 Interview with FLEX, *supra* n. 3.
- 173 Asia Foundation, Civil Society in Southeast Asia during COVID-19: Responding and Evolving under Pressure (2020), 6; CIVICUS, Solidarity in the Time of COVID-19: Civil Society Responses to the Pandemic (November 2020); and Interview with La Strada International, *supra* n. 3.
- 174 Interview with Inclusivity Project, *supra* n. 33.
- 175 PICUM, *supra* n. 145, 6.
- 176 Sex Workers' Rights Advocacy Network (SWAN) and ICRSE, COVID-19 Crisis Impact on Access to Health Services for Sex Workers in Europe and Central Asia (June 2020), 6-7; UNAIDS, Six Concrete Measures to Support Women and Girls in All Their Diversity in the Context of COVID-19 Pandemic (2020), 16; Interview with English Collectives of Prostitutes, *supra* n. 31; and Interview with STRASS, *supra* n. 144.
- 177 Interview with Ivorian Community in Greece and Greek Forum for Refugees (17/12/20); Balkan Civil Society Development Network, COVID-19: The Effects to and the Impact of Civil Society in the Balkan Region (May 2020); The Bridgespan Group, Philanthropy and the COVID-19 Response in India (May 2020); Freedom Fund, Reflecting on the Year That Was: Lessons from the COVID Frontlines (January 2021), 6; International Committee of the Red Cross (ICRC), ICRC Asia and Pacific COVID-19 Response (June 2020); International Medical Corps, COVID-19 Situation Report No. 16 (May 2020); Strategest, Civil Society's Response to COVID-19 in Eurasia (2020); Interview with Anti-Racism Movement, *supra* n. 1; Interview with AFL-CIO, *supra* n. 16; Interview with Human Development Organisation, *supra* n. 28; Interview with Institute on Statelessness and Inclusion, *supra* n. 33; and CIVICUS, *supra* n. 173.
- 178 Anti-Slavery International, A Response, *supra* n. 10, 7; Interviews with Anti-Racism Movement, OBMICA, Pakistan Dalit Solidarity Network, Platform for Labour Action, and ProDESC, *supra* n. 1; Interview with HAART, *supra* n. 9; Interview with Initiative pour la Résurgence du Mouvement Abolitionniste en Mauritanie, *supra* n. 11; Interview with IDSN, *supra* n. 28; and Interviews with Nagorik Udyog and National Campaign for Dalit Human Rights, *supra* n. 33.
- 179 Interview with the Passage, *supra* n. 99; and Hope for Justice, Response, *supra* n. 20, 6.
- 180 Interview with Canadian Labour Congress, *supra* n. 3.
- 181 Epic Africa, The Impact of COVID-19 on African Civil Society Organisations: Challenges, Responses and Opportunities (June 2020), 19; Interview with Initiative pour la Résurgence du Mouvement Abolitionniste en Mauritanie, *supra* n. 11; Interview with Nagorik Udyog, *supra* n. 33; Interview with PICUM, *supra* n. 42; and Interview with Ivorian Community in Greece and Greek Forum for Refugees, *supra* n. 177.
- 182 Interview with La Strada Foundation, *supra* n. 3; and Interview with a civil society organisation in Thailand, *supra* n. 5.
- 183 UNODC, Impact of the COVID-19 Pandemic on Trafficking in Persons (2020), 2; Interview with La Strada International, *ibid.*; and Interview with HAART, *supra* n. 9.
- 184 Interview with Initiative pour la Résurgence du Mouvement Abolitionniste en Mauritanie, *supra* n. 11; and Special Rapporteur on Extreme Poverty and Human Rights, *supra* n. 133, para. 18.
- 185 Interview with Pakistan Dalit Solidarity Network, *supra* n. 1; Interview with a civil society organisation in Thailand, *supra* n. 5; Interview with Initiative pour la Résurgence du Mouvement Abolitionniste en Mauritanie, *ibid.*; Interview with AFL-CIO, *supra* n. 16; Interviews with Nagorik Udyog and National Campaign for Dalit Human Rights, *supra* n. 33; Interview with a civil society organisation in Senegal, *supra* n. 80, and ILO and OECD, *supra* n. 24, 23.
- 186 Special Rapporteur on Extreme Poverty and Human Rights, *supra* n. 133, para. 27.
- 187 Actionaid, Workers in the Time of COVID-19 (August 2020), 40; Deyge Goshu, et al., Assessment of COVID-19 Effects and Response Measures in Ethiopia: Livelihoods and Welfare Implications (Ethiopian Economic Association 2020), 21; Salam Said, COVID-19 and the Syrian Economy: Implications for Social Justice (Friedrich-Ebert Stiftung 2020), 3; Trimitta Chakma and Pallab Chakma, A Rapid Assessment Report: The Impact of COVID-19 on Indigenous and Tribal People in Bangladesh (June 2020), 11-12; Interview with Anti-Racism Movement, *supra* n. 1; Interview with Initiative pour la Résurgence du Mouvement Abolitionniste en Mauritanie, *supra* n. 11; Interview with Inclusivity Project, *supra* n. 33; and Oxfam International, Submission, *supra* n. 163, 6.
- 188 Interview with Inclusivity Project, *ibid.*; and Interview with Samata Foundation, *supra* n. 33.
- 189 Centre for Mediterranean Integration, *supra* n. 148, 5.
- 190 Interview with National Campaign for Dalit Human Rights, *supra* n. 33; ILO Monitor, *supra* n. 21, 17; and ILO and OECD, *supra* n. 24, 31.
- 191 ILO and OECD, *ibid.*, 38.
- 192 C19 National Foresight Group, Intelligence Briefing Paper No. 10: Variation of Need by Place and Informal Workers (July 2020), 10; The Fair Work Project, Gig Workers, Platforms and Government during COVID-19 in South Africa (May 2020), 7; International Center for Tax and Development, <https://www.ictd.ac/blog/covid-coronavirus-tax-breaks-informal-economy-workers/>; ILO, Global Wage Report 2020-2021: Wages and Minimum Wages in the Time of COVID-19 (December 2020), 22; Interviews with Anti-Slavery International and Platform for Labour Action, *supra* n. 1; Interview with National Campaign for Dalit Human Rights, *supra* n. 33; Interview with ITUC, *supra* n. 72; Center for Global Development, *supra* n. 112, 17; Development Initiatives, *supra* n. 163, 11-12; ILO, Rights at Work of Refugees, *supra* n. 112, 4; Schwettmann, *supra* n. 28, 10; and Special Rapporteur on Extreme Poverty and Human Rights, *supra* n. 133, para. 25.
- 193 ILO, Temporary Wage Subsidies (May 2020), 3.
- 194 Interview with Inclusivity Project, *supra* n. 33; and CGAP, *supra* n. 33, 6.
- 195 Labour Education Foundation, Protecting Human Rights during COVID-19: Joint Questionnaire by Special Procedure Mandate Holders (June 2020), 19; and Special Rapporteur on Extreme Poverty and Human Rights, *supra* n. 133, paras. 20, 23 and 27.
- 196 Business & Human Rights Resource Centre, Just Recovery in Peril: Human Rights Defenders Face Increasing Risk during COVID-19 (November 2020), 6; Transparency International, Documented Corruption and Malfeasance Cases (September 2020); Interview with Initiative pour la Résurgence du Mouvement Abolitionniste en Mauritanie, *supra* n. 11; Interview with Center for Economic and Social Rights, *supra* n. 15; Interview with IDSN, *supra* n. 28; Interview with Nagorik Udyog, *supra* n. 33; CGAP, *supra* n. 33, 6; and ITUC-Africa, *supra* n. 112, 23.
- 197 Fauzia Tariq and Sarah Bibler, Gender Impact of COVID-19 in Pakistan: Contextual Analysis and the Way Forward (International Foundation for Electoral Systems 2020), 4; Interview with Pakistan Dalit Solidarity Network, *supra* n. 1; Interviews with La Strada International and LEF0-IBF, *supra* n. 3; Interview with AFL-CIO, *supra* n. 16; Interview with Human Development Organisations, *supra* n. 28; Interviews with Inclusivity Project, Institute on Statelessness and Inclusion and National Campaign for Dalit Human Rights, *supra* n. 33; CGAP, *ibid.*, 5; Gentilini et al., *supra* n. 115, 184; ILO and OECD, *supra* n. 24, 31; and Schwettmann, *supra* n. 28, 10.
- 198 ILO, Social Protection for Migrant Workers, *supra* n. 132, 3.
- 199 ILO and FATO, Rapid Assessment of the Impacts of COVID-19 on Vulnerable Populations and Small-Scale Enterprises in Iraq (July 2020), 21; Oxfam, Impact of the COVID-19 Pandemic on Small-Scale Producers and Workers (2020), 7; Interview with IDSN, *supra* n. 28; and CGAP, *supra* n. 33, 7.
- 200 Interviews with Anti-Slavery Australia and OBMICA, *supra* n. 1; Australian Catholic Religious against Trafficking in Persons, *supra* n. 99, 3; and ILO, Social Protection for Migrant Workers, *supra* n. 132, 3 and 8.
- 201 Special Rapporteur on Extreme Poverty and Human Rights, *supra* n. 133, para. 25.
- 202 Interview with OBMICA, *supra* n. 1; Interview with Canadian Labour Congress, *supra* n. 3; and Transient Workers Count Too, *supra* n. 77, 10.
- 203 Tariq and Bibler, *supra* n. 197, 4.
- 204 Jagran Media Center, Social and Economic Impact of COVID-19 on Dalit and Marginalised Communities (June 2020); Jayati Ghosh, 'A Critique of Indian Government's Response to the COVID-19 Pandemic' (2020) 47 Journal of Industrial and Business Economics 513, 528; Interview with Pakistan Dalit Solidarity Network, *supra* n. 1; Interview with IDSN, *supra* n. 28; and Interviews with Inclusivity Project, Nagorik Udyog, and National Campaign for Dalit Human Rights, *supra* n. 33.
- 205 Interview with ProDESC, *supra* n. 1; and Special Rapporteur on Extreme Poverty and Human Rights, *supra* n. 133, para. 25.

- 206 Institute on Statelessness and Inclusion, *Stateless in a Global Pandemic* (2020), 13-14; and Interview with Elom Empowerment, *supra* n. 9.
- 207 Interview with Nagorik Udyog, *supra* n. 33; and CGAR, *supra* n. 33, 6.
- 208 ILO, Country Response in Thailand, *supra* n. 77, 13; and Oxfam, *supra* n. 199, 6.
- 209 Interview with IDSN, *supra* n. 28; Center for Policy Impact in Global Health, *supra* n. 163, 7; and ILO, Country Response in Malaysia, *supra* n. 163, 5.
- 210 Interview with ProDESC, *supra* n. 1; Interview with AFL-CIO, *supra* n. 16; Interview with PICUM, *supra* n. 42; ACAPS, Colombia, *supra* n. 132, 8; Congressional Research Service, *supra* n. 148, 5; IDSA and HIVMA, *supra* n. 62, 4; and Institute on Statelessness and Inclusion, *supra* n. 206, 14.
- 211 Guidelines for the Administration of the Social Assistance for Persons Who Were Retrenched, Terminated, Experience Loss or Reduced Income In Respect of the COVID-19 Virus; Inter-American Development Bank, Support to Safety Net for Vulnerable Populations Affected by Coronavirus in Belize (2020), 8; Response for Venezuelans, Refugee and Migrant Response Plan 2020 (May 2020), 34; UNICEF, The Impact of COVID-19 on Migrant Children in Trinidad and Tobago (July 2020), 12; Interview with OBMICA, *supra* n. 1; Gentilini et al., *supra* n. 115, 96 and 244; Institute on Statelessness and Inclusion, *ibid.*, 14-15; Schwettmann, *supra* n. 28, 10; and Special Rapporteur on Extreme Poverty and Human Rights, *supra* n. 133, paras. 23 and 34.
- 212 Amnesty International, Include Sex Workers in the COVID-19 Response (July 2020); Elene Lam, 'Migrant Sex Workers Left Behind During COVID-19 Pandemic' (2020) 111 Canadian Journal of Public Health 482; Global Network of Sex Work Projects, Response to Joint Questionnaire of Special Procedures (June 2020), 3; Joshua Kimani, et al., 'The Effects of COVID-19 on the Health and Socio-Economic Security of Sex Workers in Nairobi, Kenya: Emerging Intersection with HIV' (2020) 15 Global Public Health 1073, 1075; Interview with English Collective of Prostitutes, *supra* n. 31; Interview with ICRSE, *supra* n. 32; Interview with STRASS, *supra* n. 144; and UNAIDS, *supra* n. 176, 11.
- 213 Interview with STRASS, *supra* n. 144.
- 214 Alyson Hills, et al., 'Sex Tourism, Disease Migration and COVID-19: Lessons Learnt and Best Practices in Moving Forward' (2020) Journal of Travel Medicine 1, 1; and Interview with ICRSE, *ibid.*
- 215 Interview with ICRSE, *supra* n. 32.
- 216 Andean Information Network, Bolivia and Peru: Coca Farmers in the Time of COVID-19 (May 2020), 9, 11 and 13; and Interview with Pakistan Dalit Solidarity Network, *supra* n. 1.
- 217 Anuradha Joshi, Wilson Pritchard, and Christopher Heady, 'Taxing the Informal Economy: The Current State of Knowledge and Future Research' (2014) 50 Journal of Development Studies 1325, 1330-31.
- 218 Interview with Center for Economic and Social Rights, *supra* n. 15; CGAP, *supra* n. 33, 6; and Center for Global Development, *supra* n. 133, 1.
- 219 CEPAL, Universalizar el Acceso a las Tecnologías Digitales para Enfrentar los Efectos del COVID-19, Informe Especial COVID-19 No.7 (August 2020), 2; and Special Rapporteur on Extreme Poverty and Human Rights, *supra* n. 133, para. 42.
- 220 This has been reported, for instance, in Brazil and China. IBRD and World Bank, *supra* n. 133, 7-8; and Special Rapporteur on Extreme Poverty and Human Rights, *ibid.*, para. 25.
- 221 Interview with ITUC, *supra* n. 72; and IBRD and World Bank, *ibid.* 8.
- 222 Amnesty International, Reality Check 2020: Countdown to the 2022 World Cup (November 2020), 17; Humayun Kabir, Myfanwy Mapple, and Kim Usher, 'The Impact of COVID-19 on Bangladeshi Readymade Garment Workers' (2020) Journal of Public Health 1, 2; OECD, Safeguarding COVID-19 Social Benefit Programmes from Fraud and Error (June 2020), 3; UNODC, Good Practices Compendium on Combating Corruption in the Response to COVID-19 (October 2020), 35-37; Interview with ProDESC, *supra* n. 1; Interview with AFL-CIO, *supra* n. 16; Interview with IDSN, *supra* n. 28; Interview with Nagorik Udyog, *supra* n. 33; Centre for Social Justice & Justice and Care UK, *supra* n. 1, 65; and Labour Behind the Label, *supra* n. 3, 8 and 15.
- 223 Interview with ITUC, *supra* n. 72.
- 224 ILO, Temporary Wage Subsidies, *supra* n. 193, 5.
- 225 IOM, Stranded Irregular Migrant Workers during the COVID-19 Crisis: The Question of Reparation (August 2020), 3; WHO, ApartTogether Survey: Preliminary Overview of Refugees Migrants Self-Reporting Impact of COVID-19 (December 2020), 21; Interview with Anti-Racism Movement, *supra* n. 1; Interview with Canadian Labour Congress, *supra* n. 3; Interview with Human Development Organisation, *supra* n. 28; Amnesty International, Reality Check, *supra* n. 222, 29; Business & Human Rights Resource Centre, *supra* n. 66, 7; Equidem, *supra* n. 72, 36, 62, and 88-89; Ethical Trading Initiative, *supra* n. 37; ILO, The Supply Chain Ripple Effect, *supra* n. 53, 13, and Oxfam, *supra* n. 199, 6.
- 226 Amnesty International, When Protecting Becomes Repression: Mandatory Quarantines under COVID-19 in the Americas (2020), 19-25; Human Rights Watch, How Can We Work without Wages? Salary Abuse Facing Migrant Workers Ahead of Qatar's FIFA World Cup 2022 (2020); Interview with National Campaign for Dalit Human Rights, *supra* n. 33; and Equidem, *ibid.*, 92.
- 227 Interview with Anti-Slavery Movement, *supra* n. 1; and Trade Union of Domestic Workers' Solidarity, *supra* n. 64, 22.
- 228 Inter-American Development Bank, The Challenges of Protecting Informal Households during the COVID-19 Pandemic (June 2020), 3; Lorenzo Guadagno, Migrants and the COVID-19 Pandemic: An Initial Analysis (2020), 7; Interview with AFL-CIO, *supra* n. 16; and Busso, et al., *supra* n. 132, 52.
- 229 Committee on Economic, Social and Cultural Rights, Statement on the Coronavirus Disease (COVID-19) Pandemic and Economic, Social and Cultural Rights E/C.12/2020/1 (2020), para. 5; and Interview with Anti-Racism Movement, *supra* n. 1.
- 230 AFL-CIO, Death on the Job: The Toll of Neglect (October 2020), 10, 13 and 17.
- 231 Diego Delgado et al., 'Personal Safety during the COVID-19 Pandemic: Realities and Perspectives of Health Workers in Latin America (2020) 17 International Journal of Environmental Research and Public Health 1; FLEX, If I Could Change Anything About My Work: Participatory Research with Cleaners in the UK (January 2021), 23; IDSN, How Caste is Disproportionately Affecting the Dalits of South Asia in COVID-19 Pandemics (June 2020), 2; UNFPA and GAGE, Experiences of Vulnerable Urban Youth under COVID-19: The Case Study of Youth Working in Factories and Industrial Parks (August 2020), 3; Interview with ProDESC, *supra* n. 1; Interviews with Canadian Labour Congress and FLEX, *supra* n. 3; Interview with a civil society organisation in Thailand, *supra* n. 5; Interview with HAART, *supra* n. 9; Interviews with IDSN and Human Development Organisation, *supra* n. 28; Interviews with Inclusivity Project and Nagorik Udyog, *supra* n. 33; Amnesty International, Human Rights Impact in Indonesia, *supra* n. 48, 7; Center for Policy Impact in Global Health, *supra* n. 163, 7; ILO, The Supply Chain Ripple Effect, *supra* n. 53, 13; and Labour Behind the Label, *supra* n. 3, 8. It is worth highlighting that the Independent Workers of Great Britain won a case before the High Court which held that gig economy workers were entitled to PPE. [2020] EWHC 3050.
- 232 Interview with AFL-CIO, *supra* n. 16; and Equidem, *supra* n. 72, 38, and 87.
- 233 Interview with AFL-CIO, *ibid.*, commenting on the COVID-19 outbreak in Amazon warehouses in the United States of America.
- 234 Interview with Anti-Racism Movement, *supra* n. 1; Interview with Timidria, *supra* n. 5; Interview with AFL-CIO, *ibid.*; Interview with PICUM, *supra* n. 42; and Freedom Fund, *supra* n. 177, 6.
- 235 Interview with Pakistan Dalit Solidarity Network, *supra* n. 1; Interview with Initiative pour la Résurgence du Mouvement Abolitionniste en Mauritanie, *supra* n. 11; Interviews with Inclusivity Project, Institute on Statelessness and Inclusion, Nagorik Udyog and Samata Foundation, *supra* n. 33; and Interview with Ivorian Community in Greece and Greek Forum for Refugees, *supra* n. 177.
- 236 Interview with Elom Empowerment, *supra* n. 9; and Interview with Inclusivity Project, *ibid.*
- 237 Business & Human Rights Resource Centre, *supra* n. 66; Equidem, *supra* n. 72, 76; and Human Rights Watch, *supra* n. 226.
- 238 Amnesty International, 'Why Do You Want to Rest?' Ongoing Abuse of Domestic Workers in Qatar (October 2020); Interview with Anti-Racism Movement, *supra* n. 1; Interview with Arbeit und Leben, *supra* n. 3; Interview with a civil society organisation in Thailand, *supra* n. 5; Interview with Ivorian Community in Greece and Greek Forum for Refugees, *supra* n. 177; and Equidem, *ibid.*, 23, 27, 50 and 77.
- 239 Interview with Ivorian Community in Greece and Greek Forum for Refugees, *ibid.*; Amnesty International, Human Rights Impact in Indonesia, *supra* n. 48, 11; and Labour Behind the Label, *supra* n. 3, 15.
- 240 See below for "Guiding Principles on Actions against Modern Slavery during Emergency Situations."
- 241 Who Profits from the Occupation, Exploited and Essential: Palestinian Labour under COVID-19 (June 2020), 6; and Amnesty International, Reality Check, *supra* n. 222, 24.
- 242 Interview with Arbeit und Leben, *supra* n. 3.
- 243 International Union Rights, Focus on the Impact of COVID-19 on Work and the Challenges for Union Rights (2020), 15; Interview with ITUC, *supra* n. 72; Business & Human Rights Resource Centre, Just Recovery, *supra* n. 196, 6; ILO, The Supply Chain Ripple Effect, *supra* n. 53, 14; and ITUC-Africa, *supra* n. 112, 83.
- 244 ETUC Briefing Note, *supra* n. 59, 5-6; and ITUC-Africa, *ibid.*, 110.
- 245 Business & Human Rights Resource Centre, Union Busting and Unfair Dismissals: Garment Workers during COVID-19 (2020); Interview with AFL-CIO *supra* n. 16; and ILO, The Supply Chain Ripple Effect, *supra* n. 53, 14.
- 246 Interviews with Arbeit und Leben and Canadian Labour Congress, *supra* n. 3; and Interview with ITUC, *supra* n. 72.
- 247 Interview with Anti-Racism Movement, *supra* n. 1; Interview with Initiative pour la Résurgence du Mouvement Abolitionniste en Mauritanie, *supra* n. 11; Interview with AFL-CIO, *supra* n. 16; Interview with English Collective of Prostitutes, *supra* n. 31; Interview with ICRSE, *supra* n. 32; and Interviews with Inclusivity Project, Institute on Statelessness and Inclusion and National Campaign for Dalit Human Rights, *supra* n. 33.
- 248 ILO and International Finance Cooperation, Progress and Potential: How Better Work is Improving Garment Workers' and Boosting Factory Competitiveness (2016).

- 249 *The Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons*, I.C.J. Report 1996, para. 25; *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territories*, I.C.J. Reports 2004, para. 106; Committee on the Elimination of Discrimination against Women (CEDAW), General Recommendation No. 28 (The Core Obligations of State Parties under Article 2), CEDAW/C/GC/28 (2010), para. 11; Committee on the Rights of the Child (CRC), General Comment No. 16 (Obligations Regarding the Impact of Business Sector on Children's Rights, CRC/C/GC/16 (2013), para. 49; Human Rights Committee (HRC), General Comment No. 31 (The Nature of General Legal Obligations Imposed on States), CCPR/C/21/Rev.1/Add.1 (2004), para. 11; OHCHR, Protection of Economic, Social and Cultural Rights in Conflict, para. 12; Report of the Special Rapporteur on the Human Rights of Internally Displaced Persons, A/74/261 (2019), para. 7; Report of the Special Rapporteur on the Right to Adequate Housing, A/75/148 (2020), para. 12; and Report of the Special Rapporteur on the Right to Food, A/HRC/37/61 (2018), para. 68.
- 250 Recommended Principles and Guidelines on Human Rights and Human Trafficking, E/2002/68/Add.1 (2002), Principle 1.
- 251 Article 4 of the International Covenant on Civil and Political Rights 1966 (ICCPR); Article 15 of the European Convention on Human Rights 1950 (ECHR); and Article 27 of the American Convention on Human Rights 1969 (ACHR). See also *Siliadin v France*, App No. 73316/01 (2005), para. 112; *Rantsev v Cyprus and Russia*, App No. 25965/04 (2010), para. 283; *Stummer v Austria*, App No. 37452/02 (2011), para. 116; *CN v United Kingdom*, App No. 4239/08 (2012), para. 65; *S.M. v Croatia*, App No. 60561/14 (2020), para. 305; *Commission Nationale des Droits de l'Homme et des Libertés v Chad*, Comm. No. 74/92 (1995), para. 21; and *Media Rights Agenda and Others v Nigeria*, Comm. No. 224/98 (2000), para. 67.
- 252 Articles 33-35.
- 253 See also Joint Report of the Special Rapporteur on the Sale and Sexual Exploitation of Children and the Special Rapporteur on Trafficking in Persons, A/72/164 (2017), para. 64.
- 254 Article 6.
- 255 Joint Report, *supra* n. 253, para. 67.
- 256 Articles 7 and 8 of the Rome Statute of the International Criminal Court 1998. See also Article 38 of the CRC, its Optional Protocol on Children in Armed Conflict and Article 3 of the Worst Forms of Child Labour Convention.
- 257 CEDAW General Recommendation No. 30 (Women in Conflict Prevention, Conflict and Post-Conflict Situations), CEDAW/C/GC/30 (2013), paras. 23, 39-41, and 57; Report of the Special Rapporteur on Trafficking in Persons, A/HRC/32/41 (2016), paras. 48 and 64; *Rantsev v Cyprus and Russia*, *supra* n. 251, para. 285; *CN v United Kingdom*, *supra* n. 251, para. 66; and Report of the Special Rapporteur on Contemporary Forms of Slavery, *supra* n. 22, para. 67.
- 258 *Malone v United Kingdom*, App No. 8691/79 (1984), para. 81; *Bannikova v Russia*, App No. 18757/06 (2011), para. 33; and *Big Brother Watch and Others v United Kingdom*, App Nos. 58170/13, 62322/14 and 24960/15 (2018), para. 314.
- 259 Article 20 of the United Nations Convention against Transnational Organised Crime 2000.
- 260 Report of the Special Rapporteur on Trafficking in Persons, A/71/303 (2016), para. 59.
- 261 HRC General Comment No. 29 (Article 4: Derogation during a State of Emergency), CCPR/C/21/Rev.1/Add.11 (2001), para. 8; OHCHR, Emergency Measures and COVID-19: Guidance (April 2020); and Report of the Special Rapporteur on the Right to Privacy, A/75/146 (2020), para. 42.
- 262 *Heaney and McGuinness v Ireland*, App No. 34720/97 (2000); *Salduz v Turkey*, App No. 36391/02 (2008); *Judicial Guarantees in State of Emergency*, Advisory Opinion OC-9/87 (1987); Principles and Guidelines on the Right to a Fair Trial and Legal Assistance in Africa 2003, Non-Derogability Clause (R), HRC General Comment No. 29, *ibid.*, para. 16; and OHCHR, *ibid.*
- 263 Report of the Special Rapporteur on Contemporary Forms of Slavery, *supra* n. 22, para. 68.
- 264 Progress Report of the Advisory Committee of the Human Rights Council, A/HRC/36/52 (2017), para. 50; Report of the Independent Expert on the Effects of Foreign Debt, A/HRC/31/61 (2016), para. 21; and Report of the Special Rapporteur on Extreme Poverty and Human Rights, A/HRC/26/28 (2014), para. 27.
- 265 Recommended Principles and Guidelines, *supra* n. 250, Principle 16; and Report of the Special Rapporteur on Contemporary Forms of Slavery, *supra* n. 22, para. 68.
- 266 *Chowdury and Others v Greece*, App No. 21224/15 (2017), paras. 86-89, and 103-104; and *Rantsev v Cyprus and Russia*, *supra* n. 251, para. 284.
- 267 Report of the Special Rapporteur on Contemporary Forms of Slavery, *supra* n. 22, para. 70; and Report of the Special Rapporteur on Trafficking in Persons, *supra* n. 257, para. 56.
- 268 Articles 38 and 39 of the CRC and its Optional Protocols; Article 6 of the CEDAW, Article 11 of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities 2006 (CRPD); Article 11 of the International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families 1990, Article 14 of the Protocol of the African Charter on Human and Peoples' Rights on the Rights of Older Persons in Africa 2016, Article 29 of the Inter-American Convention on Protecting the Rights of Older Persons 2015, and the Guiding Principles on Internal Displacement 1994, E/CN.4/1998/53/Add.2.
- 269 Protocol of 2014 to the Forced Labour Convention 1930; and the Worst Forms of Child Labour Convention.
- 270 Article 10 of the Council of Europe Convention on Action against Trafficking in Human Beings 2005; CEDAW General Recommendation No. 38 (Trafficking of Women and Girls in the Context of Global Migration), CEDAW/C/GC/38 (2020), para. 38; CRC and Committee on Migrant Workers (CMW), Joint General Comment No. 4/23 on State Obligations Regarding the Human Rights of Children in the Context of International Migration in Countries of Origin, Transit and Destination and Return, CMW/C/GC 4-CRC/C/GC/23 (2017), para. 43; and Report of the Special Rapporteur on Trafficking in Persons, *supra* n. 257, para. 56.
- 271 Report of the Special Rapporteur on Trafficking in Persons, *ibid.*
- 272 CEDAW General Recommendation No. 24 (Article 12 of the Convention (Women and Health), A/54/38/Rev.1, chap. I (1999), para. 16; Committee on Economic, Social and Cultural Rights (CESCR), General Comment No. 14 (Right to the Highest Attainable Standard of Health), E/C.12/2000/4 (2000), para. 34; CESCR General Comment No. 19 (Right to Social Security), E/C.12/GC/19 (2008), para. 59; and CMW General Comment No. 2 (Rights of Migrant Workers in an Irregular Situation and Members of Their Families), CMW/C/GC/2 (2013), para. 72.
- 273 Article 8 of the Inter-American Convention on the Prevention, Punishment and Eradication of Violence against Women 1994; CEDAW General Recommendation No. 26 (Women Migrant Workers), CEDAW/C/2009/WP.1/R (2008), para. 26; CESCR General Comment No. 12 (Right to Adequate Food), E/C.12/1999/5 (1999), paras. 19 and 38; CESCR General Comment No. 19, *ibid.*, para. 59; Recommended Principles and Guidelines on Human Rights and Human Trafficking, *supra* n. 250, Guideline 6; and Report of the Special Rapporteur on the Right to Food, *supra* n. 249.
- 274 CEDAW General Recommendation No. 35 (Gender-Based Violence), CEDAW/C/GC/35 (2017), para. 31.
- 275 CRC General Comment No. 1 (The Aims of Education), CRC/C/GC/2001/1 (2001), para. 16; Report of the Special Rapporteur on the Right to Education, A/HRC/8/10 (2008), para. 67; and CEDAW General Recommendation No. 30, *supra* n. 257, para. 52.
- 277 CESCR General Comment No. 23 (Right to Just and Favourable Conditions of Work), E/C.12/GC/23 (2016), para. 56; CRC General Comment No. 20 (Rights of the Child during Adolescence), CRC/C/GC/20 (2016), para. 80; Report of the Independent Expert on Minority Issues, A/HRC/16/45 (2010), paras. 48-51; Report of the Independent Expert on Older Persons, A/75/205 (2020), para. 57; and CEDAW General Recommendation No. 30, *supra* n. 257, paras. 42 and 57.
- 278 Recommended Principles and Guidelines on Human Rights and Human Trafficking, *supra* n. 250, Principle 9.
- 279 Article 16 of the Council of Europe Convention on Trafficking; and Report of the Special Rapporteur on Trafficking in Persons, *supra* n. 257, para. 56.
- 280 Article 12 of the Migrant Workers' Convention; Committee on the Elimination of Racial Discrimination (CERD), General Recommendation No. 22 (Article 5 of the Convention on Refugees and Displaced Persons, A/51/18 (1996), para. 2; CERD General Recommendation No. 30 (Discrimination against Non-Citizens), CERD/C/64/Misc.11/rev.3 (2005), para. 26; HRC General Comment No. 15 (Position of Aliens under the Covenant), HRI/GEN/1/Rev.1 (1986), para. 10; and CMW General Comment No. 2, *supra* n. 272, para. 51.
- 281 Article 33 of the Convention Relating to the Status of Refugees 1951; Article 31 of the Convention Relating to the Status of Stateless Persons 1954; Article 3 of the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment 1984; CRC General Comment No. 6 (Treatment of Unaccompanied and Street Children, CRC/2005/GC/6 (2005), paras. 26-28, 58 and 82; Joint CRC/CMW General Comment No. 3/22 (General Principles Regarding the Human Rights of Children in the Context of International Migration), CMW/C/GC/3-CRC/C/GC/22 (2017), para. 46; CERD General Recommendation No. 30, *ibid.*, para. 27; CMW General Comment No. 2, *ibid.*, para. 50; and HRC General Comment No. 31, *supra* n. 249, para. 12.
- 282 *Mohammed Lemine Ould Barar v Sweden*, 28 E.H.R.R. CD 213 (1999); and UNHCR, Guidelines on International Protection: Applicability of Article 1A(2) of the 1951 Convention and/or the 1967 Protocol Relating to the Status of Refugees to the Victims of Trafficking and Persons at Risk of Being Trafficked (2006).
- 283 Final Research-Based Report of the Human Rights Council Advisory Committee on Best Practices and Main Challenges in the Promotion and Protection of Human Rights in Post-Disaster and Post-Conflict Situations, A/HRC/28/75 (2015), paras.27-35; and CMW General Comment No. 2, *supra* n. 272, para. 18-20.
- 284 Ensuring that Businesses Respect Human Rights During the COVID-19 Crisis and Beyond: The Relevance of the UN Guiding Principles on Business and Human Rights, Statement by the UN Working Group on Business and Human Rights, <https://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=25837&LangID=E>.
- 285 UN Guiding Principles on Business and Human Rights 2011, Principle 7.
- 286 Statement by the Working Group on Business and Human Rights, *supra* n. 284.
- 287 UN Guiding Principles on Business and Human Rights, *supra* n. 285, Principle 7.
- 288 CRC General Comment No. 16, *supra* n. 249, para. 52.
- 289 Article 2 of the ICCPR; Article 13 of the ECHR; Article 25 of the ACHR; Basic Principles and Guidelines on the Right to a Remedy and Reparation for Victims of Gross Violations of International Human Rights Law and Serious Violations of International Humanitarian Law, A/RES/60/147 (2006); CEDAW General Recommendation No. 30, *supra* n. 257, para. 81; CESCR Statement on the Coronavirus Disease, *supra* n. 229, para. 12; CESCR General Comment No. 23, *supra* n. 277, para. 70; HRC General Comment No. 29, *supra* n. 261, para. 14; HRC General Comment No. 32 (Right to Equality Before Courts and Tribunals and to a Fair Trial), CCPR/C/GC/32 (2007), para. 9; Report of the Special Rapporteur on Contemporary Forms of Slavery, *supra* n. 22, para. 69; and Report of the Special Rapporteur on Trafficking in Persons, *supra* n. 257, para. 56.

- 290 CESCR, General Comment No. 9 (Domestic Application of the Covenant), E/C.12/1998/24 (1998), para 9; Report of the Special Rapporteur on Contemporary Forms of Slavery, Including Its Causes and Consequences, A/HRC/36/43 (2017), para. 17.
- 291 Basic Principles and Guidelines, *ibid.*
- 292 Report of the Special Rapporteur on Trafficking in Persons, *supra* n. 257, para. 56.
- 293 CEDAW General Recommendation No. 33 (Women's Access to Justice), CEDAW/C/GC/33 (2015), para. 19; CEDAW General Recommendation No. 35, *supra* n. 274, para. 33; UN Guiding Principles on Business and Human Rights, *supra* n. 285, Principle 25; and Report of the Special Rapporteur on Contemporary Forms of Slavery, *supra* n. 22, para. 71.
- 294 Report of the Working Group on Human Rights and Transnational Corporations and Other Business Enterprises, A/75/212 (2020), paras. 81 and 85.
- 295 CESCR General Comment No. 18 (Right to Work), E/C.12/GC/18 (2006), paras. 38, 42 and 51.
- 296 CESCR General Comment No. 24 (State Obligations in the Context of Business Activities), E/C.12/GC/24 (2017), para. 48.
- 297 *Habeas Corpus in Emergency Situations*, Advisory Opinion OC-8/87; HRC General Comment No. 35 (Liberty and Security of Persons), CCPR/C/GC/35 (2017), paras. 65-68; and Report of the Special Rapporteur on the Situation of Human Rights Defenders, A/HRC/43/51 (2019), para. 21.
- 298 HRC General Comment No. 35, *ibid.*, para. 7.
- 299 CESCR General Comment No. 23, *supra* n. 277, para. 70.
- 300 *Ibid.*, para. 52.
- 301 *Ibid.*
- 302 CESCR General Comment No. 18, *supra* n. 295, para. 34.
- 303 CESCR General Comment No. 23, *supra* n. 277, para. 78.
- 304 *Ibid.*, paras. 52 and 65.
- 305 CEDAW General Recommendation No. 13 (Equal Remuneration for Work of Equal Value), A/44/38 (1989); CERD General Recommendation No. 30, *supra* n. 280, para. 33; CESCR General Comment No. 23, *ibid.*, para. 47; CMW General Comment No. 2, *supra* n. 272, para. 62; and Joint CRC/CMW General Comment No. 4/23, *supra* n. 270, para. 46.
- 306 CESCR General Comment No. 23, *ibid.*, paras. 25, 59 and 70; and CMW General Comment No. 2, *ibid.*, para. 64.
- 307 CESCR General Comment No. 23, *ibid.*, para. 54.
- 308 Article 22 of the ICCPR; Article 8 of the ICESCR; and Article 15 of the CRC.
- 309 Report of the Special Rapporteur on Human Rights and Counter Terrorism, A/61/267 (2006), para. 21; Report of the Special Rapporteur on the Rights to Freedom of Peaceful Assembly and of Association, A/HRC/20/27 (2012), para. 16; CESCR General Comment No. 23, *supra* n. 277, para. 52; and HRC General Comment No. 31, *supra* n. 249, para. 6.
- 310 Report of the Special Rapporteur on Human Rights of Migrants, A/HRC/44/42 (2020); and HRC General Comment No. 15, *supra* n. 280, paras. 1 and 8.
- 311 Article 40 of the Migrant Workers' Convention.
- 312 Article 26, *ibid.*; CERD General Recommendation No. 30, *supra* n. 280, para. 35; and CMW General Comment No. 2, *supra* n. 272, para. 65.
- 313 Report of the Working Group on Discrimination against Women and Girls, A/HRC/44/51 (2020), paras. 53-55.
- 314 Report of the Special Rapporteur on Contemporary Forms of Slavery, *supra* n. 22, para. 71.
- 315 CESCR General Comments No. 7 (Forced Eviction), E/1998/22 (1998); and Report of the Special Rapporteur on the Right to Adequate Housing, *supra* n. 249, para. 11.
- 316 CESCR General Comment No. 19, *supra* n. 272, paras. 16 and 50; and CMW General Comment No. 2, *supra* n. 272, para. 67.
- 317 Report of the Special Rapporteur on Trafficking Persons, *supra* n. 260, para. 48.
- 318 *Ibid.*, paras. 50-52.
- 319 See also Article 4 of the CRC; Article 4 of the CRPD; Article 5 of the Protocol of 2014 to the Forced Labour Convention; Article 2 of the Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children 2000; Article 4 of the Inter-American Convention on International Traffic in Minors 1994; and Article 1 of the Council of Europe Convention.
- 320 *Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain)*, Judgment, I.C.J. Reports 1970, paras. 33-34.
- 321 United Nations Convention against Transnational Organised Crime 2000; and Part 9 of the Rome Statute.
- 322 Articles 1(3) and 55 of the UN Charter; CESCR General Comment No. 2 (International Technical Assistance Measures), E/1990/23 (1990), para. 8.
- 323 CESCR General Comment No. 18, *supra* n. 295, para. 30.
- 324 CESCR General Comment No. 23, *supra* n. 277, para. 71.
- 325 Special Rapporteur on the Negative Impact of the Unilateral Coercive Measures on the Enjoyment of Human Rights, COVID-19 Human Rights Guidance Note (May 2020).
- 326 CESCR General Comment No. 8 (The Relationship between Economic Sanctions and Respect for Economic, Social and Cultural Rights), E/C.12/1997/8 (1997), para. 3.
- 327 Report of the Special Rapporteur on Contemporary Forms of Slavery, *supra* n. 22, para. 83.
- 328 Guidance Note, *supra* n. 324.

MODERN SLAVERY & HUMAN RIGHTS | POLICY & EVIDENCE CENTRE

Led by the Bingham Centre

Центр по разработке политики и сбору свидетельств в отношении современного рабства и прав человека (the Modern Slavery and Human Rights Policy and Evidence Centre) был создан благодаря инвестициям государственного финансирования для углубления понимания современного рабства и повышения эффективности законодательства и политики, направленных на его преодоление. Заказывая и основываясь на высококачественных исследованиях, Центр объединяет ученых, политиков, представителей бизнеса, гражданского общества, людей, переживших рабство, и общественность в масштабах, невиданных ранее в Великобритании, для сотрудничества в решении этой глобальной проблемы. Центр представляет собой консорциум шести академических организаций во главе с Центром Бингхема по вопросам верховенства права (the Bingham Centre for the Rule of Law) и финансируется Советом по исследованиям в области искусства и гуманитарных наук (the Art and Humanities Research Council) от имени британской общественной организации по исследованиям и инновациям (UK Research and Innovation – UKRI).

Наши партнеры:

The Modern Slavery and Human Rights Policy and Evidence Centre is funded and actively supported by the Arts and Humanities Research Council (AHRC), part of UK Research and Innovation (UKRI), from the Strategic Priorities Fund.

Центр по разработке политики и сбору свидетельств в отношении современного рабства и прав человека (the Modern Slavery and Human Rights Policy and Evidence Centre) через Британский институт международного и сравнительного права (British Institute of International and Comparative Law), Charles Clore House, 17 Russell Square, London, WC1B 5JP

Компания с ограниченной ответственностью
Зарегистрирована в Англии № 615025
Зарегистрированная благотворительная организация № 209425

office@modernslaverypec.org

www.modernslaverypec.org